

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЧЕЛОВЕК

ИЗ ЗЕРКАЛА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев
Человек из зеркала

«ЭКСМО»

2012

Колычев В. Г.

Человек из зеркала / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2012 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Бывшего криминального авторитета, а ныне преуспевающего бизнесмена Василия Чупракова жестоко, едва ли не до смерти, избивают неизвестные. Случилось это после того, как Чупраков нагло и жестоко обошелся с медсестрой Дианой, которая подрабатывала в ночном клубе танцовщицей. То ли пытаясь загладить свою вину, то ли в молодой душе Чупракова разыграли чувства – как бы то ни было, но он потребовал, чтобы в больнице за ним ухаживала именно Диана. Девушка согласилась и тотчас попала в поле зрения сыщика подполковника Кручи. В избиении бизнесмена полицейский заподозрил бывшего бойфренда Дианы, морского пехотинца Романа. Но ситуация вдруг в корне меняется: Чупракова застреливают. И происходит это тогда, когда Диана влюбляется в него, а у морского пехотинца Романа появляется железное алиби...

© Колычев В. Г., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	37
Глава восьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Колычев

Человек из зеркала

Глава первая

«Техно» колотит по голове своими механическими ритмами, «эйсид» заливают мозг едкой кислотой, растворяя его без остатка, а «транс» окрыляет сознание, его гармоничные мелодии влекут за собой, плавно изменяющиеся басы гипнотизируют, но не пьянят, как тяжелый наркотик. Ритмы быстрые, но легкие, они подхватывают и несут по волнам музыки... Усталость во всем теле, но не хочется останавливаться. Останавливаться нельзя. Это на обычный стол можно залезть под жирной мухой, удариться в пляс и в любой момент спрыгнуть. А у Дианы под ногами стол необычный, это часть декораций ночного клуба. На сцене за микшерным пультом орудует диджей, с двух сторон от него стоят бутафорские столы, на которых танцуют девочки «гоу-гоу». Диана одна из них. На ней эротический костюм, но это все, чем она может порадовать клиентов клуба. Раздеваться догола будут стриптизерши, а ее забота – разогреть публику на танцполе.

Сколько помнила себя Диана, столько она и танцевала. Только в доме заиграет музыка, и она уже ловит ритм всем телом, и это у нее всегда хорошо получалось. Родители даже не заставляли ее танцевать перед гостями, достаточно было включить музыкальный центр, и она уже в центре внимания. В студии современного танца занималась, была главной звездой школьной дискотеки, в медицинском училище заиграла, к ночным клубам пристрастилась, но профессионально танцевать начала с тех пор, как познакомилась со своим нынешним парнем. Рома работал старшим охранником в ночном клубе, он-то и предложил ей танцевать на разогреве. Отказываться Диана не стала. Во-первых, у нее красивое тело и его не стыдно выставить напоказ, во-вторых, она давно уже не девочка, чтобы бояться мужского вожделения, а в-третьих, Рома всегда рядом, и он обязательно отвадит от нее клиента, если тот вдруг решит, что с ней можно, как с проституткой. С ним она как за каменной стеной, хотя от зала ее отделяет лишь тонкая перегородка из пластикового стекла.

Диане нравилось танцевать на глазах у публики, но все-таки она обрадовалась, когда закончилось ее время. С напарницей Настей они скрылись в гримерке. Полчаса отдыха, и снова на сцену, но это будет уже последний выход. К часу ночи «гоу-гоу» прекратится, зато появятся стриптизерши, в касту которых Диана совершенно не стремилась. Рома будет работать до утра, но он, как обычно, отпросится на десять минут, чтобы отвезти ее домой. Они снимают квартиру неподалеку, в принципе, она могла бы и пешком дойти, но вдруг кто-нибудь из клиентов привяжется, да и просто на гопника нарваться можно. В Битове в этом плане вроде бы спокойно, но гарантий никто не дает...

Рома вернется домой в начале десятого утра и сразу же ляжет спать, а Диана к этому времени будет уже в больнице. Она получает деньги за свои художества на клубном столе, но все-таки это несерьезно. Куда важнее для нее работа в больнице, где она действительно чувствует себя нужным человеком. Отделение у них платное, зарплата приличная, и глупо было бы менять такую работу на «гоу-гоу», поэтому приходится совмещать приятное с полезным. Все хорошо, только ночью вдоволь поспать не всегда получается, но ничего, Диана добирает свое в дневное время. Отделение у них не самое большое, пациентов относительно немного, и очередь к ней в процедурную не выстраивается. К тому же в клубе она зажигает не каждую ночь и не всякое утро бывает недобрым.

Диана уже переделалась для следующего танца, когда в гримерку семенящим шагом зашел главный администратор Альберт. Настя все еще стояла у зеркала в одних стрингах, но тот на

нее даже не глянул. Да и она ничуть не смутилась. Все знали, что Альберт равнодушен к женским прелестям. Девушки в его понимании существовали только для того, чтобы приносить доход клубу.

– Познякова, могу тебя поздравить! – скороговоркой выстрелил главный администратор. Голос у него тонкий, гнусавый, неприятный для слуха. И сам он неприглядный – маленький, пухлощекий, с отвислым брюхом и широким задом. А ведь ему и тридцати лет еще нет. – Ты выходишь на новый уровень! Я перевожу тебя в стрип-дэнс, так что переодевайся, у тебя сейчас приватный танец!

– Я не хочу в стрип-дэнс, – настороженно смотрела на него Диана.

Если бы она захотела, то давно бы уже крутилась вокруг пилона и зарабатывала куда более солидные деньги, чем имела сейчас. Так что предложение Альберта ничего, кроме подозрения, у нее не вызвало.

Диана знала цену своей красоте, и ее ничуть не удивила бы новость, что некий высокопоставленный клиент желает пообщаться с ней наедине. А все к этому и шло...

– Ну, знаешь! Хочешь, не хочешь – это ты для своей мамы оставь, а у нас в клубе действует слово «надо»!

– Кому надо?

– Всем! Любой клиент – это наше все! Или тебя что-то не устраивает? – нахмурил брови Альберт.

Диана никогда не обратила бы на него внимания, встретить она Альберта где-нибудь на улице. Или бы посмеялась над ним, если бы он попытался испепелить ее взглядом – настолько уморительно это бы выглядело. Но сейчас ей было не до смеха: ведь Альберт не случайный прохожий, он главный администратор, и от него здесь, в клубе, зависело если не все, то многое. Он и ее мог выставить на улицу, и Романа, поэтому его гнев не казался забавным.

– Меня устраивает моя работа. Хотя бы потому, что в ней приват не предусмотрен. Не хочу я.

– А если я этого хочу?

– Ты и танцуй! – усмехнулась Диана.

Она понимала, какие проблемы может создать ей Альберт, но все-таки бросила ему вызов. Если ему что-то не нравится, пусть увольняет. Где он еще найдет дуру, которая будет работать за восемьсот долларов в месяц при столь напряженном графике, как у нее? И еще с такими внешними данными...

– Познякова, так нельзя! Мы работаем в одной команде! И мы должны понимать друг друга! – Альберт смягчил тон, но не напористость.

К тому же с такими просьбами он обращался к Диане уже не первый раз, всегда получал от ворот поворот, а она до сих пор числится в штате заведения. Так что бояться нечего.

– Я не буду танцевать приват!

– Какая же ты упрямая, Познякова! – с досадой выпалил Альберт и быстрым нервным шагом вышел из гримерки.

– А я бы пошла, – с завистью посмотрела на Диану напарница. – Но меня никто не зовет.

Фигура у Насти великолепная, и техника отменная, только никто не западает на нее. С одной стороны, это хорошо, а с другой – обидно. Диане хоть и не нравились интимные предложения, но все-таки они тешили самолюбие. И еще она испытывала определенное удовольствие, отказывая таким вот соискателям на телесную с ней близость.

До выхода оставалось совсем немного времени, когда дверь в гримерную снова открылась. На этот раз в помещение вошли двое незнакомых мужчин в черных костюмах. Видные они, стильные, ухоженные, но сила в них грубая, грозная. Мужчины улыбались, чтобы не пугать девушек, но глаза оставались холодными, а неторопливые, но энергичные движения казались агрессивными.

– Привет! Меня зовут Андрей, а ты Дина, да? – густым, с хрипотцой голосом спросил широкоплечий мужчина с маленькими глазами под массивными, словно вытесанными из базальта надбровьями.

– Допустим.

У Дианы мурашки пошли по коже под его взглядом, но голову она держала высоко и глаза в сторону не отводила.

– С нами пойдешь. Не бойся, мы тебя не обидим.

– Никуда я с вами не пойду!

Диана облегченно вздохнула, глядя, как в гримерку входит Рома. Рослый он парень, крепкий, внушительный на вид. И внешне он симпатичный – короткие черные волосы, глубокие с яркой внутренней подсветкой глаза, правильные черты лица, нос, правда, искривлен в двух местах и слегка приплюснут, но ведь он занимался боксом, и это вполне объяснимо. Но сейчас он не казался симпатичным, потому что его лицо искажала злоба.

– Эй, мужики, я не понял, что за дела?

Он растолкал незнакомцев, пробился к Диане и закрыл ее своим телом. Вот и каменная стена подоспела.

– Если какие-то проблемы, то это ко мне!

Андрей, один из незваных визитеров, хищно усмехнулся, глянув на бейджик над карманом его пиджака.

– Ты кто такой, Роман Евгеньевич? Вышибала? Твое место на коврик для ног, туда и шагай. А здесь не мешайся.

– Дина – моя девушка, и если ты этого не понял, то пеняй на себя!

Роман сделал движение, будто закатывал рукава. А руки у него сильные, и кулаки большие, крепкие. Андрей глянул на него с насмешливой иронией, за которой Диана смогла разглядеть опасение за свою шкуру. Да и желания драться у него не было.

– Ну, если это твоя девушка, тогда дело другое. А если наврал, то не взыщи...

– Не наврал, – вмешалась в перепалку девушка.

В подтверждение своих слов Диана обошла Рому, руками нежно обвила его могучую шею и поцеловала в губы.

– Точно, не наврал, – вроде как одобрительно улыбнулся Андрей.

Но хищный блеск в его глазах при этом только усилился, и холода прибавилось.

Незнакомцы ушли, и Диана с благодарностью глянула на Рому.

– Вовремя ты, а то я думала, за руки начнут хватать.

– Вовремя. Хорошо, ребята предупредили, – совсем невесело сказал он. – Давай собирайся, я тебя домой отвезу.

– Как собирайся? У меня же выход!

– Ничего, без тебя обойдутся... Какой-то шишак на тебя глаз положил. Говорят, очень крутой мэн. Это от него были люди...

– А до этого Альберт приходил, – сказала Настя. – Динка его послала...

– Это правильно. С ним так и надо.

– А если нас уволят?

– Да и черт с ним!

Рома дорожил своей работой, и если он так говорил, значит, над Дианой действительно сгустились тучи.

– Давай собирайся, а я сейчас!

Сейчас затянулось минут на двадцать. Вернулся Рома в таком состоянии, что Диана ахнула, глядя на него. Шишка на лбу, переносица распухла, щека содрана, губа разбита, костюм помят, галстука нет, пуговицы на рубашке оторваны. Но самый страшный удар он получил по своему самолюбию.

– Дина, там все очень серьезно, – пряча глаза, сказал он. – Там очень серьезный человек хочет тебя видеть... Он руки распускать не будет, ты только станцуешь, и все...

– Они что, били тебя? – с жалостью, но еще больше с неприязнью посмотрела на него Диана.

– Да нет, это ерунда... Они убить могли... Это очень серьезные люди...

– И ты не можешь меня защитить?

– Я же говорю, там только танец, без интима, – не глядя ей в глаза, буркнул он.

– Ну, если только танец, – пожала плечами Диана.

Она понимала, что мир жесток и беспощаден, как надвигающийся локомотив. Хорошо, если есть пространство для маневра, но ведь с этой машиной можно остаться наедине в узком тоннеле: замешкаешься – раздавит колесами, отпрыгнешь – размажет по стенке. В такой вот ситуации оказался и Рома: не хватило ему силы, чтобы остановить асфальтоукладчик, засыпало его гравийно-битумной смесью, но шанс у него еще есть – надо только сдать свою девушку, тогда, глядишь, и не пройдутся по нему катком. А жить он хочет.

– Да, только танец...

Но ведь этим катком могут пройти и по ней. Рома умеет драться, к тому же за ним клубная охрана, но если важный гость смог справиться с ним, то ему ничего не стоит сломать и его девушку. Сломать, как белую березку... Уж лучше тогда прогнуться. Хотя бы для того, чтобы отомстить Роме...

Диана переделалась для более откровенного эротического танца, нежели «гоу-гоу», а появившийся Альберт отвел ее в кабинет для VIP-клиентов.

Это помещение размещалось на втором уровне большого зала, в зоне бельэтажа, одна стена в ней была стеклянной, прозрачной, чем обеспечивался панорамный обзор. Отсюда отлично было видно танцпол, сцену и пустующий стол, на котором должна была сейчас танцевать Диана.

За сервированным столом на полукруглом бархатном диване в мягком полумраке сидел немолодой уже крупный мужчина с ястребиным взглядом и лисьей улыбкой на тонких губах. Высокий лоб с одной, но глубокой морщиной, круглые, мелко посаженные глазки, нос, из-за своих широких и закрученных ноздрей напоминающий лилию с герба французских королей... Он сидел, развалясь, и смотрел на Диану, как на фирменное и дорогое блюдо, поданное к столу. Но смотрел глазами сытой кошки, которая знала, что мышка от нее никуда не денется. И еще он был пьян.

– Будешь?

Он взял со стола вилку, нанизал на нее кусок мяса и протянул ей. От такой наглости у Дианы перехватило дыхание. Как будто не человека к нему привели, а какую-то собаку. Еще бы на пол этот кусок бросил...

– Не хочешь?.. А почему?.. Я думал, ты голодная, – заплетающимся языком сказал он. – За фигурой смотришь, на диете сидишь, да?

– Не сажу, – покачала она головой.

Мужчина небрежно бросил мясо на стол вместе с вилкой, но при этом опрокинул бокал с соком. Напиток растекся по скатерти, но несколько капель попали ему на брюки. Впрочем, он не обратил на это внимания. А костюм у него дорогой, другой бы на его месте разозлился, а этому хоть бы хны. Такое ощущение, как будто у него на каждый день новый костюм. Что ж, бывает и так, но только далеко не у всех.

– А почему такая худая?

– Потому что танцую много.

– Хорошо ты танцуешь. Только плохо раздеваешься. А я хочу, чтобы ты хорошо раздевалась...

– Ну, желание клиента у нас закон, – пожала плечами Диана.

Она уже приняла решение, и сомнения были отброшены в сторону.

– Тогда в чем проблема? – с нескрываемым пренебрежением спросил мужчина.

– Никаких проблем...

Диана включила музыку и плавным движением бедер вошла в струю ритма.

Ей уже двадцать два года, девушка она взрослая, и мужчин в ее жизни было немало. Некоторым из них она танцевала стриптиз, да и перед Ромой не раз приходилось раздеваться под музыку.

Но клиенту одного танца было мало, и когда Диана в танце приблизила бедра к его коленям, он крепко схватил ее за талию и притянул к себе. Она закричала, но никто не пришел ей на помощь, Диана попыталась вырваться, но у этого «випа» хватка оказалась слишком уж сильной. И ей ничего не оставалось, как расслабиться, чтобы не выглядеть жалкой жертвой в глазах распоясавшегося хозяина жизни. В конце концов, она знала, на что шла. Да и Рома понимал, что дело не ограничится одним танцем. А раз понимал, то пусть получит рога на всю голову!..

Глава вторая

Золотая осень, мелкий дождь, ветер... Но на голову падают не только листья. Вчера на крутого бизнесмена обрушились деревянные бейсбольные биты. Человек возвращался от любовницы, сел в машину, и тут вдруг откуда-то выскочили крепкие парни в черном и в масках. Охранники даже понять ничего не успели, как оказались на земле с пробитыми головами. Досталось и бизнесмену. Его доставили в больницу с черепно-мозговой травмой, а с ним и двух его телохранителей. О происшествии мог рассказать только водитель, он единственный, кто в момент нападения находился в автомобиле. А машина не простая, бронированная.

– Там у них за главного здоровый такой был, – водитель неторопливо, с неохотой поднял руку на уровень своей макушки. Он и сам был парнем рослым, метр девяносто в нем, не меньше, в плечах косая сажень. Только инфантильный какой-то, возможно, даже недоразвитый. – Я даже не понял, откуда они появились, налетели со всех сторон, смотрю, Толика с ног сбили, ну, и Василий Георгиевич упал...

Это все, что парень сумел выдать из себя, но он при этом умудрился еще говорить вяло, монотонно, невнятно, а вдобавок еще и зевнул. Ну да, он же водитель известного всей стране мультимиллионера Чупракова, а тут какой-то подполковник милиции.

– В кого ты стрелял? – спросил Круча.

Он знал, что события происходили во дворе многоквартирного дома, имел представление, где находилась машина потерпевшего бизнесмена, с какой позиции и в каком направлении стрелял его водитель. Собственно, именно поэтому Егор Жулей здесь, в кабинете у следователя ОВД, дает показания.

Именно из-за выстрелов кто-то из жильцов вызвал наряд патрульно-постовой службы, а то битовская милиция могла бы и не придать этому инциденту серьезного значения. Если бы, конечно, потерпевший не стал подавать заявление, а жалоб от него, кстати говоря, не поступало. Следователь уже был у него в больнице, пытался расспрашивать, но Чупраков в ответ лишь пожимал плечами. Врач сказал, что удар по голове спровоцировал кратковременную потерю памяти. И заявление Чупраков писать отказался. Видимо, ему посоветовали не афишировать свое поражение, а с обидчиками он мог разобраться своими силами. Да и пострадавший охранник предпочитал отмалчиваться. И только факт применения оружия не позволил криминальной милиции остаться в стороне.

К тому времени, когда оперативники прибыли на место происшествия, Жулей уже уехал, причем по уважительной причине. Он отвозил своего босса и охранника в больницу. Но сегодня водителя нашли и доставили в отдел.

– В кого стрелял? Ну, в этих, которые в масках были...

– В людей ты стрелял.

– Да какие они люди? Уроды! – скривился Егор. – Василия Георгиевича чуть не убили.

– Я не про этих людей. Я про случайных прохожих. А если бы ты в кого-нибудь попал?

– Так не попал же!.. И ствол у меня на законных основаниях!

– И у меня на законных основаниях. Но я же не могу применять его безоглядно. А ты сделал шесть выстрелов, и по этому факту возбуждено уголовное дело, будет проведено следствие...

– Так я же ни в кого не попал!

– Почему не попал? Попал. Как говорят в определенных кругах, конкретно попал. Если бы у тебя было травматическое оружие, это одно, а у тебя служебное, считай, боевое. Если бы ты действовал в пределах необходимой обороны, тогда бы я тебя понял, но ты стрелял по убегающим преступникам. Да, люди, напавшие на твоего босса, преступники, никто их не

оправдывает, но ты не имел права стрелять в них. Это раз. Ты не имел права подвергать риску случайных прохожих, это два...

Подполковник Круча прекрасно понимал, что за решетку Жулей не попадет, в худшем случае будет приговорен к штрафу, да и само по себе это дело не заслуживало уж слишком пристального внимания. Но ему было интересно узнать подробности преступления, совершенного в отношении известного бизнесмена, не так давно поселившегося в большом особняке в окрестностях Битова. Он давно знал Чупракова, причем не с лучшей стороны. В прошлом он был криминальным авторитетом, а трубный завод приобрел, как поговаривали, через рейдерский захват. Круче приходилось иметь с ним дело в шумных девяностых, отсюда и особый интерес к его персоне.

– И что мне будет? – разволновался парень.

Все, нет больше того небрежного тона, которым он выводил из себя.

– Ну, ты же никого не убил, не ранил, – пожал плечами Круча. – Если не будешь нас злить, может, и обойдется...

– А я что, злю вас?

– Насколько я знаю, у Чупракова есть враги.

– А у кого их нет?

– У меня тоже есть враги. Но у меня нет возможности нанять сильную охрану. А слабая охрана меня, если вдруг что, не спасет. А у Чупракова была слабая охрана. Два охранника и один бестолковый водитель.

– Почему бестолковый? – обиженно вскинулся Жулей.

– А потому, что сопли жевал и мышей не ловил. Возле машины ты должен был находиться, а не в ней. И оружие наготове держать, если его тебе доверили. Я так понимаю, что ты не просто водитель, если у тебя ствол был... Если ты исполнял функцию охранника, ты должен был контролировать обстановку, а ты клювом щелкал. И преступников прощелкал. Как это ты не знаешь, откуда они взялись?

– Почему не знаю? Знаю. Подсобка там возле подъезда была, ну, дворники там инструменты хранят. Оттуда они выскочили!

– Да мы-то знаем, откуда они выскочили. Мы работали на месте, людей опросили, подсобку эту осмотрели... Только вот непонятно, что Чупраков делал в доме номер тридцать четыре на Радищева? Он что, там живет?

– Ну, нет, конечно.

– А что он там делал?

– Ну, я не знаю, – замялся Жулей.

– Может, я тебе подскажу? – с колючей иронией во взгляде усмехнулся Круча. – Чупраков не стал обременять себя серьезной охраной. Намек принят?

– Э-э, не понимаю...

– Я знал одного очень крутого банкира, его всегда сопровождали два джипа с охраной. А когда он к своей любовнице ездил, то всего двух бойцов с собой брал. Потому что любовница в обычном доме жила, и он не хотел привлекать и к ней, и к себе внимание соседей. Боялся, что жена узнает. Улавливаешь мысль?

– У Василия Георгиевича нет жены.

– А любовница?

– Ну, как бы вам это сказать...

– А так и говори, Егор, так и говори...

– Да я, честно говоря, не знаю.

– Ну, если честно говоришь, тогда знаешь, – усмехнулся Круча.

Он уже почти двадцать лет в сыске и давно научился читать мысли людей по лицам, глазам, жестам и интонациям.

- Да не знаю я!
- А бизнесмена того, о котором я говорил, как раз и расстреляли, когда он от любовницы возвращался.
- Ну, бывает...
- И у босса твоего такая же ситуация.
- Я не в курсе.
- Мы ведь на принцип пойти можем. Жильцов дома опросим, узнаем, к кому мог ходить твой босс.
- Ваше право, – пожал плечами Жулей.
- А вдруг жильцы ошибутся? Вдруг твой босс к любовнице ездил, а они скажут, что к любовнику... Я же Чупракова давно знаю, он здесь по соседству с нами куролесил, рынки бомбил, бизнесменов строил. Понимаешь, о чем я?
- Если честно, не очень.
- Правильным пацаном твой босс был. И я думаю, остался. Он, конечно, пальцы веером уже не растопыривает, через зубы не цыкает, но я почему-то уверен, что понятия для него – это святое. Нельзя ему с любовником, правильные люди не поймут. И если вдруг дурная слава про него пойдет, он этого тебе не простит...
- Мне не простит?
- Ну, а кто нас провоцирует на принцип?
- Хорошо, хорошо, была у него любовница...
- Кто? В какой квартире?
- Я откуда знаю, в какой она квартире живет?
- А если хорошо подумать?
- Честное слово, не знаю! – растерянно посмотрел на Кручу водитель. Похоже, он действительно не знал ответа на заданный вопрос.
- А что за женщина?
- Ну, красивая... Блондинка... С голубыми глазами... Ноги от ушей... – на ходу выдумывал Жулей.
- А может, блондин?
- Да нет, блондинка. Честное слово, блондинка. Зовут Юля. Фамилию не знаю.
- Красивая? – пристально и с насмешкой смотрел на него Круча.
- Красивая.
- Молодая?
- Ну, лет двадцать...
- Парень у нее есть?
- Так это, Василий Георгиевич – ее парень.
- Папик он, твой Василий Георгиевич, а не парень. А молодым красивым девушкам больше нравятся такие же молодые парни, только у них денег мало, а у папиков много. Поэтому девушки выбирают богатых папиков, а бедным парням это не нравится, и они берут в руки бейсбольную биту. Не скажу, что так бывает всегда, но ведь бывает, правильно я говорю?
- Ну, я не знаю насчет парня, – замылся Жулей.
- А может, все-таки знаешь?... Может, вы там сами хотите с этими ребятами разобраться? Босс у тебя мужик крутой, обид никому не прощает, с врагами расправляется сам, да?... Может, он и крутой, может, волки у него в охране, я не знаю, может, рвать здесь всех собираются, но это моя земля, и беспредела здесь быть не должно. И если здесь что-то такое произойдет, пусть твой босс пеняет на себя! – Круча смотрел на парня, как на полномочного представителя Чупракова. Смотрел жестко, сурово, предостерегающе. – Ты меня понимаешь?
- Да, понимаю, – подавленно кивнул тот.

Он явно не ожидал столь серьезного поворота в разговоре. Думал, что начальник криминальной милиции опрашивает его для проформы, из вящего интереса к персоне Чупракова. А подполковник Круча делал внятное предупреждение, которое Жулей должен был передать своему боссу. Да, милиция в основном работает по факту, когда преступление уже произошло, но бывают еще и профилактические мероприятия, которые выявляют причину возникшего конфликта, упреждают грядущую катастрофу.

Мало ли, вдруг Чупраков решит устроить показательную расправу над своими обидчиками, вдруг его люди расстреляют их где-нибудь в центре города в стиле чикагской мафии. Все может случиться, поэтому Степан Круча обязан держать руку на пульсе событий.

– Мне здесь кровь не нужна, парень, – продолжал он. – Поэтому мы будем работать. И любовницу твоего босса вычислим, и ее парня...

– Да нет у Юли парня, – в раздумье мотнул головой Жулей. – Точно нет...

– Уверен?

– Ну, может, есть, но это не он...

– А кто?

– Ну, там из-за одной стриптизерши конфликт вышел.

– Из-за стриптизерши?

– Ну да. Василий Георгиевич в клубе недавно был, ну, в «Карамболе».

– Знаю такой, – кивнул Круча, внимательно глядя на парня.

Это заведение считалось одной из главных «жемчужин» в ожерелье Сафрона, смотрящего за районом. Раньше в «Карамболе» были казино и бильярдный клуб, известный на всю Москву. Но казино закрылось, вместо рулеточных столов появился танцпол, а бильярдный клуб так и остался, даже расширился, и туда по-прежнему съезжаются известные рыцари кия и шара. Мало того что там играют на деньги, так еще в клубе работает подпольный тотализатор. Сколько раз Круча пытался прикрыть эту лавочку, но все бесполезно. Ведь игра в бильярд в России не запрещена, а ставки принимали люди, якобы никаким боком не причастные к руководству заведения, – привлекаешь к ответственности одних, тут же появляются другие. А Сафрон тут как бы и ни при чем...

– Он в бильярд играл, потом в кабинет к себе пошел, а там девчонка одна на столе зажигала...

– У него в кабинете?

– Нет, на танцполе. Где-то «гоу-гоу» на тумбах зажигают, а в «Карамболе» на столах. Мне рассказывали, что «гоу-гоу» в Штатах появилось, там пьяные бабы залезли на стол и стали твист танцевать... Вот и здесь на столах, только бабы не пьяные. Там одна девочка очень сильно зажигала, ну, Василий Георгиевич ее к себе позвал, ну, чтобы она его в привате зажгла. А она не захотела. Приват, сказала, не танцую...

Жулей замолчал, прижав к своим губам костяшки кулака. В глазах у него было полное смятение. Водитель вдруг понял, что не надо было рассказывать эту историю.

– Дальше что? – поторопил его Круча.

– Да ничего. Девочка не захотела, и все...

– Ты если сказал «а», то давай и «бэ» говори. А то я человек любопытный, за этим «бэ» сам в «Карамболь» поеду. Вдруг узнаю, что твой босс эту девочку изнасиловал?

– Да нет, какой изнасиловал! – всколыхнулся парень. – Сама согласилась!

– Так она же не хотела.

– Ну, мы ее попросили...

– Был у нас тут один случай, – с хищной иронией усмехнулся Круча. – Теща у одного мужика грибами отравилась. Ну, отравилась и отравилась, а почему лицо в синяках? Так есть не хотела... Вы там кому синяков наставили?

– Мы? Никому!..

– Я ведь прямо сейчас в клуб поеду, все узнаю.

– Да нет, не было ничего...

– Я понимаю, в клубах публика особая работает, там грязное белье напоказ не выставляют. Только в «Карамболе» молчать не станут, это я тебе обещаю. Есть у меня ключик к их Карабасу. Так что давай выкладывай, чтобы крайним вдруг не оказаться...

Жулей подавленно вздохнул и в отчаянии махнул рукой:

– Да не было там ничего такого... Ну, поговорили с этим парнем...

– С каким парнем?

– Э-э, ну да, у этой девчонки парень был, он в «Карамболе» охранником работал. Ну, ребята к ней подошли, а он грудью встал, сказал, чтобы не трогали. А у нас как, если Василий Георгиевич сказал... В общем, поговорили с этим парнем, объяснили, против кого он пошел. Он все понял, объяснил все своей девчонке, ну, она тоже все поняла, перестала ломаться. Там и приват был, и все такое... Нет, ее никто не насиловал, это я точно говорю.

– Дальше что?

– Ничего... Говорю же, случай в «Карамболе» был.

– К чему ты мне про этот случай наплел? К тому, что после этого случая твоему боссу по голове настучали. Кто настучал? Парень танцовщицы?

– Ну, может быть.

– Значит, кого-то вы изнасиловали. Может, девчонку, а может, ее парня... Били его?

– Били?... Ну, может, ударили пару раз, – как о чем-то совершенно незначительном сказал Жулей. – Только дело не в том!

– А в чем?

– Мы ему сказали, что там только приват будет, а там круче было. Девчонка так разогрелась, что сама на шест полезла. Она же стриптизерша, без шеста не может. А там шест только у Василия Георгиевича был, – в скабресной ухмылке изогнул губы водитель.

– А что здесь такого веселого? – грозвым взглядом посмотрел на него Круча. – Девушка отказалась танцевать, но вы заставили ее сделать это. Силой заставили. Это не просто беспредел, парень, это статья Уголовного кодекса... Как девушку зовут?

– Ну, Диана, – занервничал Жулей.

– Фамилия?

– Я что, спрашивал?

– Я спрошу. Обязательно спрошу. И про парня ее спрошу. И все как было, по полочкам разложу. А потом с вас буду спрашивать, со всех, кто закон нарушал. Это Битово, сынок, здесь за беспредел спрашивают по закону страны. И если ты этого не понял, я тебе объясню.

Это было красное словцо, но Круча вложил в него убедительную тяжесть, которую Жулей прочувствовал на себе.

– А я что? Я никого не бил, – мотнул он головой.

– А кто бил?

– Товарищ подполковник, вы же видите, у меня от вас никаких секретов нет. Я, так сказать, добровольно все вам рассказал...

– Я спрашиваю, кто бил парня?

– Я человек законопослушный, мне, сами видите, неприятности не нужны, так что никакой опасности для общества, так сказать, я не представляю.

– Я спрашиваю, кто парня избил?

– Не знаю. Хоть каленым железом жгите, не знаю.

Жулей и без того, в своем понимании, перешел черту, а тут еще ему предлагают сдать своих товарищей. На такое он уж точно не пойдет, и Круча это понимал. Может, каленое железо и помогло бы развязать язык, но пытки в битовской милиции давно уже вне закона...

Глава третья

Пациент в процедурах не нуждался, даже перевязка ему не требовалась, но Диана с удовольствием бы поставила ему ведерную клизму. Жаль, что не врач она, а то бы прописала ему это булькающее удовольствие.

Капельницу должна была поставить Люда, но у нее возникли кое-какие личные дела, она отпросилась на пару часов, и Диана на это время ее подменила. Она могла бы отомстить пациенту и без клизмы, достаточно было неточно ткнуть в вену иглой, желательно несколько раз, но, увы, халтурить она не умела. А рука у нее легкая, мужчина даже ничего не почувствовал. И с удивлением посмотрел на нее:

– Что, все?

– Нет, еще не все. Когда цианистый калий начнет действовать, тогда все.

Он смотрел на нее с интересом с самого начала, как только Диана вошла в палату. Видно было, что она понравилась ему как женщина... Но так ведь это было понятно еще три дня назад, когда он фактически ее изнасиловал в кабинете клуба.

Это был тот самый крутой клиент, перед которым склонился Рома... Чупраков Василий Георгиевич, гад, сволочь и мразь. И совершенно непонятно, почему он ее не узнает. Интерес есть в его глазах, даже восхищение, а узнавания нет. Может, притворяется? Я не я, и корова не моя. Блудливая корова...

– Это у вас шутки такие?

Диана чувствовала, что интерес к ней остался, но одновременно она ощутила тревогу. Как бы сейчас охранников своих он к себе не кликнул. Они в коридоре сидят, как псы на цепи, разве что не зарычали, когда увидели Диану. Кто такая? Что нужно?.. Правда, среди них не было Андрея с его компанией, которая фактически сломала Рому. Так бы они вопросы не задавали, сразу бы завернули Диану обратно, чтобы она цианистый калий в капельницу вдруг не добавила. Они-то ее знали.

– Да, это у меня шутки такие, – кивнула она.

Объяснение с его охранниками в ее планы не входило.

– Но в каждой шутке есть доля истины... Ты что, не узнаешь меня?

– Вы ведете себя так, как будто я должен вас узнать... И почему вы со мной на «ты»?

Голос у Чупракова болезненный, слабый – не сравнить с тем трубным басом, которым он общался с ней в кабинете.

– А вы что, правда ничего не помните? – озадаченно смотрела на него Диана.

Он действительно забыл про тот вечер.

– А что я должен помнить?

– А то, что ты со мной в прошлую пятницу сделал?

– Что я сделал?

– Я смотрю, тебя сильно по голове ударили...

Люда сказала, с каким диагнозом поступил больной из третьей палаты. Ушиб головного мозга, внутримозговая гематома, но про амнезию она ничего не говорила, а без нее, похоже, не обошлось.

– Сильно, – кивнул он.

Его ударили бейсбольной битой по затылку. Казалось бы, только шишку набили, голову даже перевязывать не пришлось, зато под черепной костью проблемы. Пострадавшего телохранителя уже выписали, а он до сих пор в больнице. Возможно, потребуется операция...

– А что я с вами сделал?

– Слушай, а может, ты придуриваешься? – продолжала обращаться к нему на «ты» Диана. – Может, нет у тебя никакой амнезии?

– Есть. Частичная. Здесь помню, там не помню, – улыбнулся он.

Сейчас Чупраков не был похож на себя прежнего – жестокого, матерого, спесивого и циничного. И не хмурился он, может, поэтому единственная морщина на его лбу разгладилась. А может, и не было никакой морщины, не исключено, что Диане показалось. Ведь там, в кабинете, царил полумрак, простреливаемый разноцветными лазерными лучами из танцевального зала.

Размякшим и подавленным Чупраков сейчас не выглядел, но и отталкивающего впечатления не производил. И взгляд у него не ястребиный, а как у сонной, досыта накормленной лошади – спокойный, умиротворенный, глубокий. И лисьего в нем ничего нет.

– Ну да, как у подставного Доцента, – усмехнулась Диана.

– У подставного доцента? – с напряжением во взгляде посмотрел на нее Чупраков.

– Что, «Джентльмены удачи» не смотрел?

– «Джентльмены удачи»?.. – Ему понадобилось время, чтобы вспомнить этот фильм. – Да, смотрел... Да, и Доцент там был. Точно, подставной. Директор детского сада в роли уголовного, – весело улыбнулся он. – Здесь помню, там не помню. Да, было такое... Только я не подставной, я настоящий... Только ничего не помню.

Чупраков грустно посмотрел на Диану. Ну да, она бы на его месте тоже переживала. И чувствовала себя не в своей тарелке.

– Алексей Борисович сказал, что со временем память ко мне вернется. Да я и сам это чувствую... Вчера вообще ничего не помнил, а сегодня вот уже «Джентльменов» вспомнил... И даже помню, что со мной было, когда я этот фильм смотрел. Я тогда пацаном был, мы мусорный ящик у райкома партии подожгли...

– Может, вам просмотр фильмов организовать? – спросила Диана, взглядом показав на черный экран жидкокристаллического телевизора. – Лежали бы, вспоминали...

– А что, это идея! – улыбнулся Чупраков. – Надо будет у Алексея Борисовича спросить.

– А кто такой Алексей Борисович?

И снова Диана вспомнила, как Чупраков прижимал ее к своей потной груди, ладонью шлепал по бедрам, как последнюю шлюху. И снова в душе поднялась волна возмущения и протеста.

– Как это кто? Мой лечащий врач.

– Всего-то!.. Ты же у нас крутой! Кум королю, да?

– Может, все-таки объяснишь, что у нас было? – в замешательстве спросил Чупраков.

– Твои козлы-охранники парня моего избили. А меня к тебе в кабинет привели. И ты меня изнасиловал! – выплеснула все свое негодование Диана.

– Изнасиловал?!

– Ну, почти... Я же стриптизерша, почти что проститутка, ну, в твоих представлениях. А кто поверит, что проститутку изнасиловать можно?

– Ты стриптизерша? – Он смотрел на нее округленными от удивления глазами.

– Я танцую «гоу-гоу» в ночном клубе. В свободное от работы время.

– «Гоу-гоу»?

– Да, танец такой, без раздевания... А ты захотел меня раздеть. И раздел.

– Когда это было?

– В прошлую пятницу... Может, тебе «гоу-гоу» в записи поставить? Будешь смотреть, как будто это кино, может, вспомнишь...

– В ночном клубе?

– Да ты расслабься, я в милицию не заявляла. Я же знала, где работала. Знала, на что шла... Но ты все равно сволочь!

У Чупракова на тумбочке зазвонил телефон, но Диана еще до этого показала ему спину.

– Ты куда? Постой!

Но Диана не остановилась. Она вышла из палаты, громко хлопнув дверью.

Охранники с подозрением глянули на нее, один даже поднялся, метнулся в палату, чтобы посмотреть, все ли там в порядке.

Диана вернулась в процедурную. Не успела она прийти в себя, как появился Антон Вениаминович, заведующий отделением и стареющий ловелас по совместительству.

Она стояла у окна, глядя на раскачивавшийся под холодным ветром клен. Врач подошел сзади, мягко взял за плечи.

– За окном осень, а у тебя весна, Дианочка! Ты цветешь и пахнешь, как белая черемуха!

Она не отталкивала его, и он распоясался – одна рука осталась на плече, другая легла на живот. А ведь обычно она не позволяла ему переходить границу.

Но сейчас все равно. Абазов давно клеился к ней, причем предлагал серьезные отношения. Ему сорок два года, для своих лет он выглядит неплохо. Видный он мужчина, интересный, к тому же обеспеченный – своя квартира в Москве, машина хорошая, и не женат. А отшивала она его, потому что у нее был Рома, а до него – Валера... Далеко не целомудренная у нее натура, и парней в ее жизни было немало, но всем им она хранила верность, ни от кого не гуляла. Потому и воротила она от Антона Вениаминовича нос. Но сейчас у нее нет никого, и она вполне могла принять ухаживания Абазова. Тем более что мужские ласки ей приятны, если это не грязные домогательства...

Диана понимала Рому, он не захотел связываться с сильными мира сего, испугался за свою жизнь. Понять его она смогла, а простить – нет. Потому и рассталась с ним. И в «Карамболь» ее больше никаким калачом не заманишь.

– Диана, веришь ты или нет, но у меня никогда не было такой красивой девушки, как ты!

– И не будет.

Одной рукой Абазов сжал ей ягодицу, а другой расстегнул пуговицу на халате и этим все испортил. Она, может, и не против, но зачем так нагло форсировать события?

– Дианочка, извини!

Абазов осознал свою оплошность, стал застегивать пуговицу, и в этот момент в процедурную кто-то вошел. Диана глянула в зеркало и увидела Рому. А заведующий отделением откровенно жался к ней, но ей все равно, ведь она свободная женщина.

Зато Роме не все равно.

– Я не понял! – взбешенно взревел он.

Антон Вениаминович в испуге отскочил от Дианы и тут же попал в лапы к Роме. Тот схватил его за грудки, с силой тряхнул:

– Ты че, мужик, страх потерял?

Рома и сам по себе выглядел внушительно, а синяки над глазами делали его еще и пугающе страшным. Он запудрил эту красоту, затонировал, но полностью скрыть так и не смог.

– Пусти его!

Диана ударила Рому в плечо, но кулачок у нее маленький, рука слабая, и он даже ничего не почувствовал. Физически не почувствовал, но в душе обиделся.

– Не понял? – отпуская Абазова, возмущенно глянул он на нее.

– Молодой человек, что вы себе позволяете? – оправляя смятые лацканы халата, дал петуха врач.

Но Рома глянул на него зло, с предпосылкой на удар, и тот поспешил убираться. Чувствовалось, что ему не впервой ретироваться от таких вот ревнивцев.

– И зачем ты это сделал? – холодно спросила Диана.

– А чего он тебя лапает?

– Лапает. Я ему позволяю, он и лапает.

– И часто у тебя с ним?

– Сегодня могло быть впервые. Я девушка свободная, что хочу, то и делаю. А я хочу. Ведь я же шлюха. Проститутка. Стриптизерша. Голимая дешевка! – обиженно выпалила она.

– Ну, хватит, хватит!

Рома взял ее за плечи, пытаясь успокоить, но Диана вырвалась, отошла к двери.

– Я сейчас охрану вызову!

– Какую охрану? Нет у вас никакой охраны, – усмехнулся он.

На входе в больницу и в приемном покое находились сотрудники частного охранного предприятия, но Рома давал понять, что для него это не препятствие. Действительно, эти ребята далеко не такие грозные, как телохранители Чупракова, этим можно и нахамить, а если будут возмущаться, то и кулакам волю дать.

– Почему нет? Есть. Чупраков у нас в третьей палате, там его «быки» сидят, сейчас их Антон Вениаминович позовет, они с тобой разберутся...

– «Быки» Чупракова? – заметно встревожился Рома. – А что, Чупраков здесь лежит?

– Да, в третьей палате, это рядом...

– Дин, я понимаю, ты на меня дуешься, но там реальная проблема. Мне с тобой поговорить надо...

Диана не хотела ни о чем с ним говорить, но Рома настаивал, а от него так просто не отвяжешься. Но и процедурная – не место для разговоров. Абазов действительно мог вызвать охрану, чтобы выставить Рому из больницы.

– Ну, если надо...

Она вышла из процедурной, увлекая за собой Рому, поднялась с ним на третий этаж, в холл между хирургическим отделением и реанимацией. И там, и там затеяли ремонт – мебель уже вынесли, а работы еще не начались, да и строителей не было видно.

– Здесь тебе будет спокойней, – с ехидной насмешкой сказала она.

– Мне будет спокойней? – поморщился Рома. – А что, я чего-то боюсь?

– А если чупраковских церберов на тебя натравят?

– Ну, этого мне бы не хотелось, – честно признался он.

– Что, страшно стало?.. И тогда в штаны навалил, и сейчас.

– Язва ты.

– И язва. И шлюха. И все такое прочее...

– Почему шлюха? Ты же танцовщица. Ну, что «гоу-гоу», что стриптиз – одна фигня. – Рома и сам понимал, какую глупость он сказал, поэтому смотрел куда-то в сторону. – А там, где стриптиз, там и приват...

– Какой приват, Рома? Чупраков меня по кочкам гонял! – Диана смотрела на него пристально и с едкой усмешкой.

– Сволочь! – Рома стиснул зубы и сжал кулаки. – Они же обещали!..

– Да ладно тебе! – саркастически усмехнулась она. – Это же я виновата, а не ты. Это же я согласилась!

– Мы договаривались только на приват! – зло, сквозь зубы проговорил он.

– Рома, я же все видела. Они тебя припугнули, и ты меня сдал. И сам сдался, и меня сдал... Поэтому я от тебя и ушла.

– Ну, я же не думал, что все так будет...

Он ожесточенно тер ладонью правое надбровье и кусал губы. Ему было стыдно и больно, слезы наворачивались на глаза, но Диана не собиралась его жалеть.

– Что было, то было, прошлое не вернуть.

– Ты ничего не знаешь...

– Чего я не знаю?

– Ко мне менты приходили.

– Из-за меня?

– Ну, в общем, да... Почему, думаешь, Чупраков в больнице?

– Избили его.

– А кто избил?

– Не знаю.

– И я не знаю... Менты в клуб приходили, про тебя спрашивали, со мной говорили. Они думают, что это я Чупракова избил, из-за тебя. Я им, конечно, сказал, что ничего не знаю. – Рома нарочно взял паузу.

– А на самом деле? – заинтригованно спросила Диана.

– Ну, если ты пообещаешь мне, что никому не скажешь...

– Хочешь сказать, что это ты его избил?

– Я! – решительно сказал он и торжествующе посмотрел ей в глаза. – За тебя отомстил!

– Ну, ты даешь! – особого восторга у нее это не вызвало, но и осуждения тоже.

Женщины так устроены, что им очень приятно, когда мужчины совершают подвиги ради них. И не важно, что эти подвиги бывают с криминальным уклоном. А Рома замахнулся на самого Чупракова, как тот безродный рыцарь – на королевский замок.

– Понимаешь, тогда в клубе они на меня жестко наехали. Очень жестко. Я в сортир пошел, выхожу, а меня трое ждут. Я и понять ничего не успел... И про Чупракова я слышал. Он очень крутой мужик, в авторитете, и денег у него немерено. Олигарх он, самый натуральный олигарх. Он с самим Сафроном корешится, Сафрон за него пасть порвет... В общем, я испугался. А они, ну, «быки» эти, говорят, что секса не будет...

– И ты поверил?

– Ну... Хотел верить... Ты от меня ушла, и я понял, что там не только приват был... В общем, я выследил этого козла... За тебя отомстил, за себя... Только давай договоримся, что ты никому ничего не скажешь. Ты же не хочешь, чтобы меня грохнули?

– Не хочу.

– Ментов я не боюсь, а если Чупраков узнает... Кстати, как он там?

– Да ничего, жить будет. Память, правда, отшибло. Меня совсем не помнит.

– А он тебя видел?

– Ну да, я ему капельницу делала...

– Разговаривала с ним?

– Да так, немного...

– Про меня ничего не говорил? Ну, в смысле, про тех, кто его избил?

– Может, и говорил. Но не со мной...

– Понимаешь, если менты на меня вышли, то и Чупраков своих «быков» ко мне зашлет. Может, меня уже ищут. Короче, мне уехать надо, спрятаться. Есть одно место. Поехали со мной?

– Ром, ты что, не понял? Я ушла от тебя. Все, между нами ничего больше нет, – не очень уверенно сказала она.

– Но я же все исправил, – болезненно поморщился он.

– Что ты исправил? Ты окончательно все разрушил. Теперь за тобой будут охотиться, теперь ты будешь бегать по лесам, как заяц от волков, – вздохнула Диана.

– Я не заяц! – оскорбленно посмотрел на нее Рома. – Я сам волк! И сам буду охотиться!

– Пожалуйста! Только без меня!

– Диан, ну прости меня! Ну, дал слабину! Сам не понял, как это произошло!.. Ну, прости меня!

Он обнял ее, прижал к себе, и она не стала вырываться. Хотя и не шелохнулась в его объятиях...

– Ну, так что, простила?

Рома заслуживал ее прощения, ведь он поднял руку на самого Чупракова, наказал его, отомстил за свое и Дианы унижение. К тому же она сама должна была простить у него прощения за то, что не смогла устоять перед олигархом.

– Я не знаю.

– Я понимаю, тебе нужно время подумать.

– Да, ты прав, – кивнула она. – Мне нужно подумать.

– Я сейчас уеду. Сам уеду. Но я вернусь. Я обязательно вернусь. И мы снова будем вместе...

– Ну, может быть.

Возможно, так все и будет. Он вернется, и они снова будут жить под одной крышей. Диана близка к тому, чтобы простить его, но верность хранить ему не станет. После того, что случилось, она – свободная женщина, и если вдруг представится блестящий шанс, она не упустит его.

Глава четвертая

Вчера Чупраков смотрел на нее с интересом, а сегодня – влюбленно, с обожанием.

Диана никого не подменяла и в палату к нему пришла исключительно по его приглашению. Судя по его взгляду, он хотел сказать что-то очень важное. И не о Роме пошел разговор, как она думала, когда шла сюда.

– Диана, меня сегодня выписывают, – сказал он. – Алексей Борисович сказал, что я могу продолжить лечение у себя дома. Но мне нужен уход, и я хочу, чтобы этим занялась ты. С начальством я уже договорился, тебя переводят на работу ко мне, с сохранением оклада, кстати сказать. И еще ты будешь получать, ну, скажем так, чаевые...

– Только халатик нужен покороче, да? – язвительно улыбнулась она. – Чтобы резинка чулок была видна, да? Или вы хотите выше взять, под резинку трусиков?

– Диана, зачем ты так говоришь? – обиженно нахмурился Чупраков.

– Затем, что я стриптизерша, которую можно и так, и эдак.

– Но ты же не стриптизерша. Я узнавал, ты уволилась из клуба. Да и не стриптиз ты там танцевала, не раздевалась на публике, – совершенно серьезно, без всякого подвоха сказал он. – И не надо тебе носить короткий халат. И чаевых не будет. Ты будешь получать поощрительную премию, десять тысяч рублей в день.

– Десять тысяч?

– Что, мало?

– Да нет... Нормально.

– Значит, ты согласна?

– Ну, если начальство отпускает...

Она не знала, радоваться или возмущаться. Чупраков – не лежачий больной, утку из-под него выносить не надо, перевязок не будет. Капельницы и уколы – вот все, что потребуется от нее. Она будет обхаживать одного больного и получать за это десять тысяч в день. И не где-нибудь, а в особняке олигарха.

Но вдруг Чупраков даст волю своим фантазиям? Что, если он действительно захочет, чтобы Диана ходила перед ним в костюме медсестры из секс-шопа и потакала его прихотям? Ведь она же позволила ему перейти черту в клубе, значит, с ней совсем не обязательно церемониться в доме, где он и царь, и бог.

Чупраков потерял память, но его инстинкты разнузданного хищника никуда не делись. Это сейчас он держит себя в рамках приличий, но в любое время может распоясаться.

– Я же сказал, что договорился с твоим начальством.

– Ну, хорошо... Только давайте договоримся и мы...

– Любые условия! – расплылся в улыбке Чупраков.

– Я – медсестра. Просто медсестра. Так что если у вас есть эротические фантазии на мой счет, лучше я останусь здесь.

– Никаких фантазий! – Он в искреннем, как ей показалось, порыве скрестил на груди руки.

Она могла бы выдвигать условия в том же духе и дальше, но ей не хотелось казаться в его глазах девственницей после третьего аборта, причем набивающей себе цену.

Диана приняла предложение Чупракова и спустя некоторое время отправилась к нему домой. Халат она свернула и уложила в пакет, а к машине вышла в короткой кожаной курточке и джинсах с очень низкой посадкой.

Чупраков уже сидел в «Мерседесе» представительского класса, а его охранник продолжал держать заднюю дверцу открытой и взглядом торопил Диану. Возле машины стояли еще три телохранителя, напряженно смотрели по сторонам.

Диана села в машину, телохранитель забрал у нее пакет с вещами и положил его в багажник. В салоне было комфортно и очень просторно, Чупраков сидел на заднем сиденье, вытянув ноги под панель, очень похожую на переднюю, водительскую, только без руля и приборов. Вместо лобового стекла внутри была выдвижная перегородка, отделяющая заднюю зону салона от передней. Под потолком был установлен жидкокристаллический монитор, крутился какой-то фильм, но Чупракова интересовала только Диана.

– Ну что, поехали? – весело спросил он. И сделал движение, будто собирался коснуться ее плечом, но даже не дотронулся до нее.

– Ну, если лошади запряжены... Сколько там у вас лошадей?

– Пятьсот двадцать, Диана, пятьсот двадцать.

– И кучер есть, и лакеи на запятках. И даже личная медсестра. Неплохо вы устроились, Василий Георгиевич.

– Да, без личной медсестры мне никак. Потому что лакеи на запятках облажались. Не уберегли своего барона, не уберегли.

Машина тронулась так плавно, что Диана едва это ощутила. Ход у «Мерседеса» невероятно мягкий, бесшумный, создающий ощущение полета.

– Чего так?

– И на старуху, как говорится, бывает проруха. Не справилась охрана со своими обязанностями, начальника охраны пришлось уволить, водителя сменить. И тех ребят, которые твоего парня били, тоже уволил...

– А их за что? Они же вашу волю выполняли.

– Да нет, я их ни о чем таком не просил. Просто сказал, чтобы они тебя ко мне привели...

– Значит, вспомнили?

– Да нет, мне рассказали... Хотя мне сегодня сон снился, – улыбнулся он. – Мы с тобой в ночном клубе, сначала ты танцуешь, а потом садишься ко мне на колени...

Чупраков поднял руку, и Диана свела ноги вместе, думая, что сейчас он положит свою ладонь ей на коленку. Но нет, он всего лишь провел рукой по своим посеребренным волосам.

– Может, это память ко мне возвращается? Может, все так у нас и было?

– Вам, наверное, приятно это вспомнить, а мне как-то не очень, – поморщилась она.

– Извини, что так случилось. Я, наверное, очень пьяный был, ничего не соображал.

– Ну, не очень, но да, пьяный, – кивнула она. – Только это вас не оправдывает.

– Я готов загладить свою вину.

– Надеюсь, не утюгом?

– Ну нет, конечно! – засмеялся он.

– А мы сейчас прямо к вам едем? – спохватилась она.

– Да, ко мне. А что?

– Мне бы домой заскочить надо, кое-что из вещей взять.

– Хорошо, заедем...

Чупраков спросил ее адрес, велел водителю изменить курс, а затем спросил:

– Надеюсь, твой парень тебя не караулит?

– Кто, Рома? – насторожилась Диана. – А он что, может меня караулить?

– Ну, меня же подкараулил, – уже без улыбки сказал он.

– Когда? Где?

– А ты не знаешь?

– Нет, – похолодела Диана.

Теперь она поняла, зачем Чупраков взял ее с собой. Обхитрил он ее, вырвал из больницы, где за нее могли бы заступиться, заманил к себе в машину. Впереди два человека – водитель и телохранитель, сзади джип с охраной, ей из этих тисков не вырваться. Завезут ее сейчас куда-

нибудь в лес и будут пытаться, чтобы она выдала Рому. Как же она сразу не поняла, чего хочет от нее этот олигарх? Что же делать?

– Есть информация, что это твой парень на меня напал, – сказал он голосом, не предвещающим ничего хорошего.

– Я не знаю ничего. Он мне ничего про это не говорил... Да и не мог говорить. Я ушла от него сразу после того случая... Я сейчас с родителями живу.

Это не она говорила, это страх за нее лепетал.

– Ну, не знала и не знала. Я тебе верю. И не надо бояться. Тебе ничего не грозит.

– А что, Рома правда на вас напал?

– Ну, есть информация...

– И что вы с ним сделаете?

– Не знаю... Я вот пытаюсь поставить себя на его место. Ты моя девушка, я твой парень, меня ставят на колени, чтобы я предал тебя. Я ломаюсь, тебя насилюют. Ты знаешь, на его месте я бы убил Чупракова...

Казалось, он действительно поставил себя на место Ромы, а как еще объяснить, что говорил он так, как будто не имел никакого отношения к Чупракову?

– Но его же не убили... Э-э, вас же не убили.

– Ну, ему повезло, – шутливо улыбнулся олигарх. – То есть мне. Твой Рома правильно все сделал. Но досталось мне, а не кому-то другому. Поэтому твой Рома будет наказан.

– А если это не он?

– Может, и не он. Есть и другие версии... Но я бы на его месте убил бы Чупракова. Ты такая красивая. Ты такая... Нравишься ты мне, Диана. Очень нравишься.

Она никогда не краснела, когда мужчины смотрели на нее с обожанием, но сейчас ее вдруг бросило в краску.

– Если ты скажешь, я оставлю твоего Рому в покое. Никто и пальцем его не тронет.

– А так можно?

– Если ты хочешь.

– Хочу.

– Тогда считай, что его уже оставили в покое.

– Спасибо, – поблагодарила она, сама от себя того не ожидая.

– Ты его любишь? – подозрительно и с ревностью глянул на нее Чупраков.

– Ну, он мой парень...

Она и сама не знала, любит Рому или нет. Раньше думала, что любит, а после недавнего случая как отрезало. Нет, она не разлюбила его, просто поняла, что никогда и не любила. Впрочем, с ним хорошо – он отличный любовник и в быту неплох, и она бы не возражала вернуться с ним в недавнее прошлое. Она бы тогда не пошла в «Карамболь» тем вечером, когда туда отправился Чупраков...

– Ты же говоришь, что с ним рассталась.

– Ну, рассталась. А что?

– А то, что можешь снова с ним сойтись.

– Все может быть, – пожалала она плечами.

– А если я этого не хочу?

– Но это же мое личное дело...

Машина остановилась возле дома, где Диана жила столько времени, сколько помнила себя. Пятиэтажная коробка из крупных блоков, четыре подъезда, разросшаяся береза, которую она помнит еще беспомощным саженцем. Двор пустой, но ведь и раньше дети здесь гуляли очень редко. Во времена ее детства молодежь уже предпочитала компьютер свежему воздуху, а отец рассказывал, что когда-то во дворе яблоку негде было упасть – столько здесь было детворы.

Но десять лет назад и мамаша с коляской была редкостью, а сейчас этим уже никого не удивишь. Анжела Иванисова сына родила в этом году, Яна Ухтомцева – тоже сына, а ведь они ровесницы Дианы, в одной школе учились, в параллельных классах. И еще были молодые мамочки, которых она знала. Но, как назло, во дворе никого нет, а так хотелось, чтобы все видели, как она выходит из роскошного «Мерседеса». А телохранитель Чупракова уже вышел из машины, открыл дверь.

Из машины Диана выходила, как королева из кареты, но, увы, никто этого не видел. Только дворник-азиат смотрел на нее глуповатыми глазами.

Диана поднялась на четвертый этаж, открыла дверь. Отец и мама на работе, сестра в школе, дома никого нет. Ничего, она записку оставит. Мало ли, вдруг Чупраков что-то нехорошее затеял, и у нее не будет возможности позвонить родителям. А Роме она от него точно не станет звонить. Значит, надо позвонить ему сейчас.

Так хотелось сказать ему, что все уже улажено и ему не надо ничего бояться, но Диана все-таки удержалась от соблазна блеснуть своей способностью решать важные проблемы.

Что, если Чупраков обхитрил ее? Что, если его люди просто не могут найти Рому, а им очень нужно до него добраться? Сейчас Диана позвонит ему, объявит отбой тревоги, он вернется домой, ничего не опасаясь, и попадет в лапы чупраковских «быков»...

Да, не надо звонить ему. Вдруг она действительно загонит его этим в ловушку? А просто услышать его голос ей не хотелось. И сам он ей не больно-то нужен... Вдруг Чупраков не строит против нее никаких козней? Вдруг он искренен в своих чувствах к ней?.. Он, конечно, не роковой мужчина, но так ведь и не пугало огородное. Может, и второсортная у него внешность, но вполне приемлемая. Да и в постели его можно терпеть. Ведь не стошнило же Диану в его грубых объятиях. И в милицию бежать особого желания не было... Натура у него отвратительная, но что, если в скотском состоянии он бывает только подшофе? А может, точный удар по голове выбил из него хоть какие-то душевные мерзости...

Диана собрала вещи, вернулась в машину и очень скоро очутилась во дворе роскошного дома. Огромный особняк, красивый, в стиле русского модерна – с круглым куполом над шестиколонным портиком. Он стоял на возвышенности. Отвесные стены были отделаны натуральным камнем, к большому полукруглому крыльцу от передней площадки с двумя фонтанами вела длинная и широкая лестница из камня. Площадка второго яруса, на возвышенности, окружала дом и представляла собой террасу с легкой прозрачной крышей и мраморной балюстрадой. Богатство отделки, четкие архитектурные линии, масштабность, массивность и основательность...

Диана поднялась на крыльцо, осмотрелась. С высоты было хорошо видно озеро, к нему тянулась вниз аллея с высокими туями, которые казались солдатами, взявшими на караул. Слева, ближе к воротам, высились березы, справа – сосновая рощица и дорожка, которая вела к гостевому дому и хозяйственным постройкам. С этой высоты чувствовалось, насколько высоко над миром парит хозяин этого дворца. И Диане до зуда в груди захотелось лететь вместе с ним.

Изнутри дом тоже казался королевским дворцом – столько было в нем внешнего великолепия. Круглый холл под стеклянным куполом, откуда на верхние этажи уходила лестница из мрамора, хрустальная люстра размером с комнату в стандартной квартире, за широкой аркой – огромный каминный зал с таким же гранитным полом. В зале четыре окна с богатыми красивыми шторами на две стены, длинный библиотечный шкаф из красного дерева, книги в красивых переплетах, а камин – настоящее произведение искусства, достойное Эрмитажа. Здесь стоял большой угловой диван из нежной кожи, под старину, кресла в том же стиле. А вот телевизора не было, потому что он просто не вписывался в эту обстановку блестящего безвременья.

– Я хоть и не звезда, но в шоке, – сказала Диана, пальцами коснувшись серебряной статуэтки, что стояла на мраморной полке камина.

И тут же отскочила в сторону, потому что в топке вдруг сам по себе с легким шумом вспыхнул огонь.

– Не бойся, – безобидно засмеялся Чупраков и взглядом показал на пульт дистанционного управления, с помощью которого он и затопил камин. – Просто я подумал, что тебе может быть холодно.

– Да нет, тепло здесь... А камин, значит, зажигать вы умеете?

– А чего здесь уметь?

– И дом вы свой помните...

– Помню.

– А меня?

– И тебя помню. С тех пор, как ты зашла ко мне в палату.

– А до этого?

– Хотелось бы, конечно, освежить память, – лукаво сощурил он глаза.

– Я серьезно... А жену свою вы помните?

– Смутно, – нахмурился Чупраков. – Очень смутно... Дом помню, а людей, которые со мной жили, почти не помню. Я смотрел свой паспорт, у меня штамп о разводе. Я развелся два года назад.

– А дети?

– Есть дети. Сын есть от первого брака. Но где он, я не знаю. Не успел узнать. Мне все в общих чертах рассказали...

– Кто рассказал?

– Мой заместитель. Ты, наверное, видела его, он приезжал ко мне в больницу. Высокий такой, белобрысый, нос у него, как хвостик у единицы.

– Да, видела такого, – кивнула Диана.

– Он меня давно знает. И я его тоже. Только ничего не помню. Игнат очень хороший специалист в своем деле, пусть он пока моими проблемами занимается, а мы лечиться будем...

– Это он вам сказал, что он очень хороший специалист?

На какое-то время Чупраков застыл в раздумье, а потом засмеялся, шутливо погрозив ей пальцем.

– Хорошо сказала, очень хорошо... Кофе будешь? Или уже ужинать пора?

Только он спросил, как откуда-то вдруг появился высокий сухощавый мужчина с неприлично спокойным лицом. На нем был черный фрак, галстук-бабочка – этот наряд отдавал чем-то бутафорским, но клоунадой и близко не пахло. Это был дворецкий, при всем своем внешнем аристократизме лицо подневольное и покорное хозяйской воле.

– Ужин будет через час, – с подобострастной улыбкой, мягким звучным голосом сказал он. – А пока могу подать кофе. Сударыня, вы какое кофе предпочитаете? Могу предложить ристрессо, эспрессо, эспрессо «Кон Панно» с шапкой из взбитых сливок, эспрессо «Соло» с капелькой сгущенного молока, капучино, мокачино со взбитыми сливками и шоколадом, латте – некрепкий молочный кофе...

Казалось, он мог говорить до бесконечности – ровно, быстро и без запинок, и слушать его было интересно, но Диана предпочитала просто капучино. Его она и назвала.

Дворецкий кивнул, вопросительно глянул на своего хозяина и повернулся к нему спиной.

– погоди! – окликнул его Чупраков.

Мужчина резко остановился, быстро, но плавно развернулся к нему и застыл в едва уловимом поклоне.

– А меня почему не спрашиваешь?

– Я думал...

– Что ты думал?

– Я думал, что вы, как обычно, будете ристрессо.

– Ристрессо – это крепкий эспрессо? – спросила Диана.

– Да, ристрессо – это крепкий эспрессо, – кивнул дворецкий.

– Крепкий кофе отменяется, – покачала она головой. – Василий Георгиевич будет пить латте.

Дворецкий не выразил своего недовольства, но выразительно посмотрел на Чупракова.

– Как тебя зовут?

Какое-то время мужчина с удивлением смотрел на него, но вот на его лице появилось понимание.

– Валерьян меня зовут.

– Ты мой дворецкий?

– Да, ваш дворецкий. Но вы, Василий Георгиевич, разрешили мне называться мажордомом.

– Ну, мажордом так мажордом, я не против... Что, ничего не понимаешь, мажордом? Не понял, что со мной случилось?

– В больнице вы были, Василий Георгиевич.

– Амнезия у меня. Если ты мажордом, то должен знать, что это такое, – усмехнулся Чупраков.

– Да, конечно, я знаю... Так вы что, ничего не помните?

– Помню, но не все. И очень смутно. Файлы в голове стерлись, утилиты нужны, чтобы восстановить память. Кстати, ты можешь мне помочь. Расскажешь мне про всех людей, которые в моем доме работают.

– Я все понял. Когда изволите меня выслушать?

– Как-нибудь, на досуге... Да, кстати, это моя гостья, причем очень почетная, – движением головы Чупраков показал на Диану. – У меня больничный режим, а Диана моя личная медсестра. И ее слово – закон для всех. Сказала нести лето, неси лето...

– Латте, – с улыбкой поправила она. – Но я бы очень хотела, чтобы мне принесли лето.

– Лето у нас в крытом бассейне, – улыбнулся Чупраков. – Правильно я говорю, мажордом?

– Да, там солнечно, вода морская, теплая, можно включить шум волны и чаек. Там же находится солярий, лампы новые, безопасные. Если есть желание, Алла вас проведет, все покажет. Я отдам распоряжение, через полчаса все будет готово.

– Не надо, как-нибудь в другой раз.

Диана не прочь была поплавать в бассейне с морской водой, принять ультрафиолетовую ванну, но ведь ее из этого дома никто не гонит, так что она еще успеет побаловать себя. А сейчас ей просто нужен был душ.

– Может, я покажу вам вашу комнату? – будто прочитав ее мысли, спросил Валерьян.

– Какую комнату ты хочешь показать? – внимательно посмотрел на него Чупраков.

– Какую вы скажете, Василий Георгиевич, такую и покажу, – слегка склонил голову мажордом.

– В женской спальне ее разместить. В женской спальне рядом с моей.

– Но это же комната вашей супруги, – едва слышно сказал Валерьян.

– А где моя супруга?

– Насколько я знаю, вы в разводе.

– Тогда какие проблемы?

– Как вам будет угодно.

– Ванну мне приготовь, мажордом, и постель, – зевнул вдруг Чупраков. – У меня больничный режим, если тебе не понятно.

– Мне все понятно, – кивнул мужчина.

Сам он отправился выполнять распоряжение хозяина, а Диану поручил горничной, симпатичной и милой на первый взгляд девушке по имени Алла.

Глава пятая

«Что день грядущий мне готовит?» И Пушкин в свое время задавался этим вопросом, и Диане интересно было знать, чем все закончится.

Третий день она уже в доме у Чупракова, живет в спальне, в которой когда-то обитала его жена, ухаживает за ним, ставит капельницы, делает уколы. И выслушивает от него комплименты. Пока что он вел себя безупречно – за рамки не выходил, под юбку не лез, сексуальным фантазиям волю не давал. И ее во всем слушался – крепкий кофе не пить, водку и виски тоже, прогулки во дворе строго по расписанию. А гулять есть где. Двор у него большой, к озеру прямой выход, а там пристань, яхта в эллинге, на которой он обещал ее покатать, как только врач разрешит встать за штурвал. Впрочем, и без яхты развлечений хватало – и бассейн у Чупракова роскошный, и сауна, и бильярд. Правда, компанию Диане никто не составлял, но ей и в одиночестве неплохо. А если бы вдруг Василий Георгиевич посмел присоединиться к ней в той же сауне, она бы послала его далеко-далеко... Но потом бы милостиво вернула. В конце концов, она не принцесса на горошине, и к кочкам ей не привыкать. К тому же у них уже было... Но Чупраков пока не пытался форсировать события, хотя, как ей казалось, был близок к тому.

Халат из интим-салона она не надевала, но к выходу готовилась тщательно. Прическу волосок к волоску подгоняла, макияж накладывала без спешки, с чувством меры, ну и халат у нее всегда настиранный-наглаженный – и надеть его приятно, и выглядит она в нем хорошо. Ткань не прозрачная, поэтому нижнее белье она не надевает, чтобы материя плотно прилипла к телу, повышая чувственный градус. Такие вот женские секреты...

Диана приняла душ, взбодренная, посвежевшая, вышла из ванной в комнату и увидела Аллу. Девушка стояла к ней спиной и нервными, как ей показалось, движениями меняла наволочку на подушке. Ну да, белье полагалось менять каждый день, так распорядился Валерьян, хотя Диана об этом его и не просила. Но почему Алла делает это так рано? Ведь постель еще даже не остыла, а она уже здесь. И почему она губы поджимает?

– А ты чего ни свет ни заря? – не грубо, но с намеком на недовольство спросила она.

– Спешить надо, дел много, – даже не глянув на нее, не очень вежливо сказала девушка.

– Ну делала бы дела, а потом бы ко мне пришла... А если бы я еще спала? А если бы не одна?

– А с кем? – не поворачиваясь, беззвучно хихикнула она.

– А с Чупраковым!

– Не дождетесь!.. Если Василий Георгиевич вас сюда поселил, то это не значит, что он на вас женится!

Алла так и не повернулась к Диане лицом, но ей показалось, что она показала язык.

Диана вырвала у нее из рук подушку, отбросила ее в сторону.

– Слышь, Алла, я что-то не понимаю!

Девушка повернулась к ней лицом, но глаза отвела в сторону. В них плескалась обида, нижняя губа была закушена. В ней чувствовалось какое-то нездоровое торжество, густо замешенное на личной обиде.

Симпатичная она девушка, но некрасивая – черты лица мелкие, глазки посажены чересчур близко, губы тонкие. И само лицо маленькое на фоне широкой шеи. Фигура вроде бы ничего, но кость широкая, тяжеловесная, ладони рук и запястья крупные, как у мужчины средней комплекции.

– Если ты глаз на Чупракова положила, то на мне отрываться не надо! И глазоньки свои не прячь!

Алла угрюмо глянула на Диану и опустила голову к самой груди.

Молодая она, лет двадцать пять, не больше, а грудь уже обвислая, хотя и небольшая. Свой бюст она поддерживает бюстгальтером, но это мало ей помогает, к тому же груди смотрят в разные стороны, да и далековато они друг от друга находятся... Нет, богатые мужики на девушек с такими сомнительными достоинствами не смотрят, так что Диана могла позволить себе снисходительность.

– Да ладно, расслабься ты. Я сама такая, если ревную, то могу напакостить. Мелко напакостить, – не поленилась уточнить она. А то вдруг Алла расценит ее слова как сигнал к действию и устроит ей крупную пакость.

– Я не пакостила, – тоскливо вздохнула она.

– А что, ревнуешь? – весело засмеялась Диана.

– Нет.

– А мне кажется, ревнуешь. К Чупракову... Я понимаю, мужик он видный, богатый, за таким горя знать не будешь...

– Мне все равно, что богатый...

– Что, и бедного полюбила бы?

– И бедного любила.

– Когда он бедный был? Сколько тебе лет?

– Не люблю я никого! – разрыдалась вдруг Алла и, закрыв лицо ладонями, выбежала из комнаты.

Диана с насмешкой проводила ее взглядом. Пусть любит Чупракова, пусть убивается по нему, все равно шансов у нее нет. А у нее такой шанс есть, хотя и не стопроцентный. Зубами она в этот шанс вгрызаться не будет, но и своего не упустит. А халатик не мешало бы сменить, тем более что был у нее в гардеробе интересный вариант – короткий, тесный и еще без верхних пуговиц на особых лацканах, приподнятых и оттопыренных так, чтобы у мужчины возник соблазн заглянуть под них. А грудь у Дианы далеко не маленькая и эталонно-правильной формы, если, конечно, верить Роме, да и не только ему. Всем нравился ее бюст, да и Чупраков, помнится, был от него без ума тогда, в кабинете. Может, ей удастся встряхнуть его память?

Василий Георгиевич полулежал на своей кровати, смотрел телевизор и пил чай, когда Диана вошла к нему в комнату. И халат у нее короткий, и туфли на тонком высоком каблуке. И глаза блестят, как у вышедшей на охоту стриптизерши. А Диане действительно нужен был приз.

Он так засмотрелся на нее, что забыл про кружку в руке, и это привело к несчастному случаю – чай пролился на шорты.

– Ой!

– Что такое, Василий Георгиевич? Горячо? – кокетливо улыбнулась она.

– Да нет, чай уже не горячий... Но ты права, Диана, горячо, – шаловливо улыбнулся он. – Что это сегодня с тобой?

– А что со мной? – с игривым удивлением повела она бровью.

– Ты так прелестно выглядишь...

– А я должна прельстить вас, – она провела пальцем по краю верхнего выреза на халате с тем чувственным выражением глаз, с каким соблазняющая мужчину женщина облизывает языком свои губы. – Это новая медицинская методика.

– И в чем она заключается? – в предчувствии феерического события разволновался он.

– А заключается она в том, что пациент сам должен выпрыгнуть из штанов. Для укола.

– Для какого укола?

– Для этого!

Диана сняла с иглки шприца колпачок, нажала на пластиковый поршень, чтобы лекарство сфонтанировалось.

– Но это мне уже не нужно, – покачал он головой.

– Кто вам такое сказал?

– Голос был. – Чупраков шутливо глянул на потолок. – Он сказал мне, что я уже совершенно здоров.

– А память?

– Чтобы ее вернуть, нужен другой укол.

– Какой другой?

– А я тебе сейчас покажу. Если хочешь.

Диана не очень этого хотела, но согласна была принять такой укол. Потому что сама на него нарывалась...

А Чупраков уже в полной боевой. Глаза горят, дыхание жадное, руки потные, и шорты стремительно просыхают от полыхающего под ними вулкана. Сначала он запустил в разрез халата свои глаза, затем просунул руку, а затем влез в него с головой, до самых глубин, которые раскрыла для него Диана. И которые он смог заполнить целиком и очень плотно. А ведь в прошлый раз шприц у него был маленький, диабетический, зато сейчас как минимум пятикубовый, с мощным поршнем...

* * *

С озера дул студеный ветер. Небо было чистым, солнце – ярким, да только грело оно слабо. Но Диана не замечала холода, потому и не мерзла. На душе было тепло, спокойно, безмятежно. Никак не думала она, что ей так понравится общение с Чупраковым. А оно вот как оказалось... Нет в ней больше никаких раздражающих пустот, все заполнено им. Он стоял рядом – сильный, уверенный в себе, всемогущий. И она едва удерживалась от того, чтобы не обнять его, не прижаться к нему. Она чувствовала себя кобылой, которую взял да объездил крутой ковбой.

Сумасшествие какое-то – всего несколько дней назад она ненавидела Чупракова, готова была его убить, а сейчас он стал вдруг для нее близким и дорогим человеком. И дело не только в его богатстве...

Пристань над озером высокая, широкая, неподалеку на волне качается выгнанная из эллинга не очень большая моторная яхта с высокой рубкой. Начальник личной охраны готовит ее к выходу, что-то там настраивает на капитанском мостике, сейчас он подгонит ее к причалу, и они отправятся в путешествие по озеру. Оно ведь не только глубокое, но и широкое, к тому же значительно вытянутое в длину.

Диана давно хотела покататься на яхте, но переживала за своего Василия.

– Может, не надо? – спросила она. – Вдруг тебя растрясет?

– Ну, не растрясло же, – задорно улыбнулся он.

Он и сам выглядел слегка курьезно – как безусый юнец, у которого вдруг случился секс с настоящей, а не резиновой женщиной. Казалось, его распирает от гордости за себя. Ведь он понимал, что смог произвести впечатление на Диану, причем не меньшее, чем тот же Рома в первую их с ней ночь. Даже больше...

– Ну, одни болячки усугубят другие, возникнет резонанс...

– Ты же сама хотела.

– Давай в другой раз... Или ты меня до этого другого раза прогонишь?

– Я?! Тебя?! Да никогда в жизни! – Чтобы продемонстрировать серьезность своего к ней отношения, Чупраков нежно обнял Диану за плечи, привлек к себе. И такой обогретой и накормленной кошкой она себя почувствовала, что исчезло всякое желание гулять самой по себе. Если вдруг Чупраков навсегда оставит ее у себя, у нее даже в мыслях не возникнет наставить ему рога...

– Тогда давай в другой раз.

– Так уже все готово...

– Может, лучше тогда в сауну? И в бильярд поиграть...

– А что, пусть будет так!

Василий не стал кричать начальнику охраны, он просто приложил к уху рацию и дал ему отбой.

Диана первая повернулась спиной к озеру, шагнула к дому. И в этот момент послышался вскрик. Она обернулась и увидела, что Василий смотрит на нее ошалевшими от страха и боли глазами, а по левому плечу расплывается кровавое пятно.

Она не поняла, что произошло. А видом крови ее не смутишь. Но ее напугал охранник Чупракова. Он вдруг набросился на Василия Георгиевича, сбил его с ног, накрыл своим телом. А его напарник мягко уронил Диану, только лечь на нее не стал.

– Откуда стреляли? – закричал кто-то.

– Давайте на катер! – сквозь ветер донесся голос начальника охраны.

Сама по себе рваная рана на плече появиться не могла, но только сейчас до Дианы дошло, что в Чупракова стреляли. Его пытался убить снайпер, спрятавшийся где-то на берегу озера.

Телохранители запрыгнули на яхту, на берегу остался только один, тот, который закрывал Чупракова.

– Василий Георгиевич, как вы? – дрожащим от волнения голосом спросил он.

– Уйди! – оттолкнула его Диана и принялась осматривать рану. Пуля прошла навылет, но крови много, и сдавливающей повязкой ее не остановить – слишком высоко расположена рана. Впрочем, кровотечение не артериальное, это самое главное.

– Василий Георгиевич, домой сам дойдешь? – спросила она.

– А с поля боя не вынесешь, сестра? – с вымученным юмором спросил он.

– Ну, если ты хочешь...

Она весила раза в два меньше, чем он, но все-таки всерьез готова была подставить ему плечо, хотя и понимала, что Чупраков шутит.

– Не надо, сам дойду...

От дома к ним подбежал парень в черном костюме – телохранитель использовал его как живой щит – и сам встал рядом с ним. Он знал примерно, откуда стрелял снайпер, и Диана надеялась, что у него получится перекрыть траекторию полета пули. А для больше верности она сама закрыла собой Василия. Сработала не только нарождающаяся привязанность к своему мужчине, а еще и инстинкт медсестры. Как-никак она сержант запаса, и если что, ей придется воевать, выносить с поля боя раненых бойцов. Удивительно, что об этом она сейчас думала всерьез, без всякой иронии. И думала всю дорогу, пока бежала за Василием к дому. Втемяшилась в голову такая мысль, и все тут. Это нервное, это пройдет...

– «Скорою помощь» вызывай! – распорядилась она, обращаясь к телохранителю.

– А сами не справимся? – озадаченно спросил он.

– У меня здесь процедурной нет!

В принципе, она могла и сама справиться с раной, если бы под рукой было все необходимое. Но в любом случае Василия надо везти в больницу. Сама по себе пуля вряд ли сможет стать источником инфекции, но в рану попали кусочки одежды, а это могло вызвать заражение крови. К тому же существовало такое понятие, как воздействие вихревого потока. Полет пули сопровождается воздушная струя, которая затягивает в рану пыль, частицы земли, микробы из атмосферы... В общем, в больницу надо, под наблюдение врачей.

– Вова, делай, что тебе говорят! – зло цыкнул на телохранителя Чупраков, и тот нервно, в спешке полез за телефоном.

Пока он набирал номер, Диана сбегала за аптечкой, наложила на рану стерильную марлевую повязку, поверх нее – туго смотанный комок ваты, после чего плотно перебинтовала плечо. Кровь не хлестала из раны, но текла обильно, и давящая повязка должна была ее остановить.

– В больницу надо ехать, – сказала она. – «Скорую» по пути перехватим. А если нет, без нее обойдемся...

Действительно, зачем терять время в ожидании медиков, если можно самим отправиться в больницу?

– Да нет, не будем торопиться, – покачал головой Чупраков. – Жовкин сейчас охрану организует. Без охраны ехать нельзя...

Начальник охраны вернулся с пустыми руками. Не смог он взять киллера по горячим следам, снайпер ушел от возмездия. Но хоть охрану быстро организовал, чтобы сопроводить своего босса до больницы.

Глава шестая

Как говорят в народе, большая работа начинается с большого перекура. Только вот начальство считает по-другому – большую работу надо начинать с большого совещания. И чем важнее текущие дела, тем дольше тянется планерка. А забот у начальника криминальной милиции хватает – на нем и уголовный розыск, и отделение экономической безопасности. А уголовный розыск сам по себе дело серьезное, не сможешь организовать работу оперативно-следственных групп, считай, зря ешь свой хлеб. И незаконный оборот наркотиков надо пресекать, и экстремистов выявлять...

С террористами в Битове пока все спокойно, а вот покушение на убийство произошло. Вчера стреляли в господина Чупракова, возбуждено уголовное дело, идет работа, и надо следить, чтобы она не заглохла. Впрочем, майор Кулик, начальник уголовного розыска, не из тех людей, кого нужно подгонять. Сыскарем он работает уже давно, собаку на этом съел и, главное, нюх не потерял. И сам вкальвает с утра и допоздна, и подчиненным спуску не дает.

Подполковник Круча уже провел совещание и отправил подчиненных «в поле». В кабинете у него остался начальник уголовного розыска. Когда-то Степан Круча и сам непосредственно возглавлял этот отдел, а Саня Кулик был у него простым опером. Они застали те тяжелые времена, когда криминал ходил по улицам в полный рост, когда бесчинствовали бандиты, когда стрельба и кровь были обычным делом. Трудно им приходилось, но волну беспредельной преступности они сбили, нет теперь у бандитов раздолья – и ментов они уважают, и закона побаиваются. Преступность никуда не делась, но махровым цветом она уже не цветет. И на улицах в Битове давно уже не стреляли, именно поэтому случай с Чупраковым можно было считать чрезвычайным происшествием.

– Из «СВД» стреляли, – сказал Кулик.

Сильный он мужик, как телом, так и духом. Короткая стрижка подчеркивала массивность головы, лоб высокий, широкий, черты лица крупные, но четко очерченные, крепкий нос, тяжелый подбородок, борцовская шея, широкие плечи при росте метр девяносто. Когда-то эта физическая мощь очень помогала ему в работе с братвой, часто приходилось работать кулаками, расшвыривать спортсменов-рэккетменов, и Кулик преуспел в этом. Потому и прослыл грозой бандитов. Да и сейчас его бойцовские качества частенько помогали ему в работе. Ведь бандиты никуда не делись, просто они сменили спортивные костюмы на белые воротнички. И не рэккетом они занимаются, а бизнесом, зачастую вполне легальным. Господин Чупраков – яркий тому пример.

– Метров с шестисот стрелял.

– Много. Для «СВД» – очень много, – в раздумье проговорил Круча.

– Ну, есть мастера, для которых это расстояние не предел. А наш мастер, видимо, не рассчитал свои силы. Шестьсот метров для него оказалось многовато. Поэтому он и промазал.

– А поближе подобраться не мог?

– Не мог.

Кулик взял лист бумаги, карандашом очертил часть озера, затем обвел жирной линией территорию дома, где жил Чупраков, нарисовал пристань, поставил на ней жирную точку. Вторую точку он обозначил на берегу озера, неподалеку от ограды, справа от пристани.

– Здесь стоял Чупраков. А здесь находился стрелок. Ближко подойти к ограде он не мог, потому что там камеры установлены, а ветви близлежащих деревьев подпилены на три метра в высоту. А здесь деревья обычные. – Кулик обвел карандашом вторую точку. – Сосны здесь. Стрелок на дерево забрался, гнездо там себе устроил. Все хорошо, только с этой позиции двор плохо просматривается: деревья мешают, да и забор высокий. Зато хорошо видна пристань. Я так понял, что киллер ждал, когда Чупраков на пристань выйдет. И дождался.

– И долго он так ждал?

– Долго. Дня два-три, не меньше. Как только Чупраков из больницы вышел, так он и появился. Там ветки, на которых он сидел, телом его отшлифованы. Нитки от его одежды обнаружены, судя по всему, он был в маскхалате. Да по-другому и нельзя.

– Следы жизнедеятельности?

– Ну, по малому вроде было, остался там запашок. А по большому – ничего. Или ходить было нечем, или закапывал он все где-то неподалеку. А может, и далеко ходил. И чем питался он, непонятно – ни бумажек, ни упаковок, про консервные банки я и не говорю. И бычков нигде нет. Хотя курил он. Кора на ветке в нескольких местах обожжена, он так сигареты тушил.

– А бычки он с собой унес, – предположил Круча.

– Или закопал... Он несколько раз вниз спускался...

– Спускался, снова поднимался, жил, пил, ел. И никаких следов?

– Ну, можно поискать... э-э... захоронения, – усмехнулся Кулик. – Но что это даст?

– Бычки надо искать, слюну.

– А с чем сравнивать? Если мы его взять сможем, тогда результаты экспертизы будут очень кстати. Но это вряд ли... Там же профи наверняка работал. Был бы дилетант, он бы там наследил. А этот только винтовку оставил и гильзу...

– И никаких отпечатков?

– Никаких. Чисто сработано.

– Чисто, да не точно.

– Ну да, профессионализма киллеру не хватило... Зато ушел он без проблем. Чупраков на катере кататься собирался, начальник охраны проверял готовность к выходу, а тут выстрел. Он вычислил, откуда стреляли, охрану свою взял, десант с катера высадил, но киллера уже и след простыл. Быстро бегают.

– И куда он побежал?

– К дороге побежал, к дороге, что на Антиповку идет. Я так думаю, его машина там ждала.

– Думаешь или ждала?

– Пока только думаю.

– Если его машина там ждала, значит, эта машина на дороге долго стояла. А люди в Антиповку ездили, обратно, эта машина должна была примелькаться...

– Если она не в лесу стояла... Свалка там в лесу небольшая, к ней дорога ведет, машина там стоять могла.

– А может, и не стояла.

– Может, и не стояла, – развел руками Кулик.

– Может, и не было никакой машины. Может, киллер через дорогу перешел и дальше побежал...

– Все может быть.

– Или затаился где-то, а потом дальше побежал. Может, схрон у него в лесу. Может, он там до сих пор.

– А где этот схрон? След очень быстро теряется. Он его обработал, чтобы собака не взяла. И не взяла собака...

– Это хорошо, конечно, что ты кинолога привлек. Плохо, что результата нет.

– Степаныч, ну ты же знаешь, как профессионалы работают. Их днем с огнем не сыщешь.

– Если промазал, то какой профессионал?..

– Ну, и на старуху бывает «мокруха»... Не смогли взять киллера, не смогли. А ночью дождь был, теперь его след точно простыл...

Круча в раздумье постучал кончиком карандаша по столу. Заказные убийства потому и раскрываются очень редко, что киллеры заранее просчитывают варианты развития событий,

готовят пути отхода и в экстренных ситуациях действуют очень четко и грамотно, не оставляя улик. Так что винить Кулика не в чем.

– С Чупраковым разговаривал?

– Еще нет, но собираюсь. Сейчас, наверное, поеду.

– Где он?

– В больнице. В платном отделении. Он там с отбитой головой лежал, сейчас вот с огнестрелом...

– Второе покушение за одну неделю.

– Ну да, второе. Сначала битой «выстрелили», теперь вот винтовка в ход пошла. Только я не думаю, что в первый раз его убить хотели. Думаю, это предупреждение было...

– Предупреждение? А мы считали, что это месть...

– Ну да, считали. Месть из-за стриптизерши. Шульгин ее парня допрашивал, Пушкарь его фамилия. Он все отрицает.

– Само собой он будет все отрицать. Алиби у этого Пушкаря есть?

– Дома он был, когда Чупракова избили. Брат к нему приходил, с девушкой. Пиво они пили, с раками...

– Пиво – это не алиби, даже если с раками. А брат мог быть соучастником преступления. Взрослый брат?

– Ну да, на два года старше Пушкаря. Шульгин и с ним разговаривал, и с его девушкой.

Ну, брат, конечно, не показатель, но девушка утверждает, что двадцать четвертого октября, в пятнадцать тридцать Роман Пушкарь находился у себя в квартире...

– Так, может, эта девушка и была третьей? Преступники же в масках были.

– В масках. И все высокие. А эта девушка маленькая, метр с кепкой. Под описание даже с натяжкой не подходит.

– А куда преступники делись? Куда они убежали?.. Машина должна была их забрать. Может, эта малышка и была за рулем.

– Все может быть. Но алиби мы пока опровергнуть не можем.

– А что стриптизерша говорит? Ее допрашивали?

– Да нет. Из клуба она уволилась, от Пушкаря ушла. Шульгин ее найти не смог. Да и не искал.

– Почему?

– А зачем? Она же Чупракова избить не могла. И с ее парнем тоже ясно.

– Что ясно?

– Алиби у него.

– И кому это ясно? Мне, например, не ясно. Алиби может быть липовым, и ты прекрасно это знаешь.

– Ну, Шульгин говорил с этим Пушкарем. Сказал, что не мог он избить Чупракова.

– Почему не мог?

– Да натура у него жидковатая. Понтов много, а толку мало. Пушкарь этот только против слабых герой, а перед Чупраковым на задние лапы сел. Страшно стало. И сам прогнулся, и девчонку свою сдал... Да и алиби опять же... Какой смысл время на девчонку терять?

– Что Чупраков на Радищева делал?

– У любовницы был.

– Ты эту любовницу в глаза видел?

– Нет... Жулей ничего про нее не говорит. Я и так, и этак, бесполезно.

– А сам искал?

– Ну, прошлись опера по подъезду, – пожал плечами Кулик.

– И что?

– Да ничего... Степаныч, я знаю, о чем ты думаешь. Думаешь, что этот эпизод я отработал плохо. Ну, может, и не очень хорошо я его отработал. А чего суетиться? Заявления нет, уголовного дела тоже нет...

– А стриптизерша есть. И Чупраков был с ней в клубе. И он же мог снять ей квартиру на Радищева. Может, это от нее он уходил, когда на него напали. Могло такое быть?

– Познякова ее фамилия. Зовут Диана. И не стриптизерша она, а просто девочка-зажигалка, из тех, что танцпол в клубах разжигают. А с Чупраковым она зажигать не хотела. И из клуба уходила без всякого сожаления. Психанула, послала всех к черту и ушла. Сама ушла. Все, больше ее там не было.

– А разве Чупраков не мог ее потом найти? Поговорил с ней, взял на содержание, квартиру ей на Радищева снял...

– В клубе она была с ним в ночь с пятницы на субботу, а на него напали в воскресенье. И двух суток не прошло. Вопрос – когда Чупраков успел снять ей квартиру?

– Ну, не сам же он снимал. Это могли сделать его люди. В субботу сняли, а в воскресенье он приехал посмотреть, как устроилась Диана... А ее парень, Пушкарь этот, знал, что Чупраков приедет к ней. Она сама могла это сказать...

– Не могла она этого сказать, в ссоре они были.

– Ну, сначала поссорились, потом помирились... Я тебя понимаю, Саня, если каждым бесхозным делом заниматься, никакого времени не хватит. И Шульгина понимаю, завал у него сейчас. И я бы тебе ничего не сказал, если бы в Чупракова вчера не стрелял снайпер. А в него стреляли. Сначала по голове битой дали, теперь вот снайпер. И эти два преступления могут быть связаны одной ниточкой...

– Но если так, то, по твоей версии, Степаныч, в Чупракова стрелял Пушкарь.

– Это не версия, Саня. Это одна из версий. Одна из тех версий, которые нам надо отработать... Если бы Чупракова убили, им бы оперативно-розыскное бюро занялось, а он жив, потому мы этим делом занимаемся. И мы должны его отработать. Потому что завтра в Чупракова снова будут стрелять. И на этот раз его убьют. И нас тогда спросят, чего это мы здесь мышей не ловим... Так что давай, Саня, мышей ловить. Сейчас мы с тобой поедem к Чупракову, поговорим с ним, узнаем, откуда ветер дует, а там решим, что дальше делать.

Круча и сам не верил, что Роман Пушкарь мог стрелять в Чупракова, но и со счетов его сбрасывать пока не собирался.

Глава седьмая

Были времена, когда Круча со своими операми силой пробивал бандитские заслоны. И стрелять приходилось, и локтями работать, а иногда криминальную братию они брали просто нахрапом. Вот и сейчас они шли напролом. Палата Чупракова охранялась, но Круча и Кулик как будто и не замечали этого. Они шли по больничному коридору, как ледоколы по акватории Северного Ледовитого океана.

– Эй, вы куда? – поднялся им навстречу атлет с крупным прыщавым носом.

Но было уже поздно. Кулик резко распахнул дверь, и Круча зашел в палату.

– Стоять!

К первому охраннику подключился второй, и вдвоем они могли обрушиться на Кручу, но Кулик уже отрезал им путь.

– Милиция! – густым, басовитым голосом выстрелил он. – Уголовный розыск!

Отделение платное, палата большая, комфортная, светлая, с одной-единственной койкой, на которой лежал немолодой уже, крупной комплекции мужчина с маленькими глазками на широком лице. Лежал поверх одеяла, в спортивных брюках, в майке-безрукавке, с повязкой на плече.

– Я не понял, что здесь происходит? – всполошился он.

И медсестра поднялась со своего стула, смело перегородив Круче путь к больному. Красивая девчонка, очень красивая. Светлые волосы, ясные глубокие глаза, чувственные губы и фигура на загляденье...

– Еще не произошло, но может произойти, – глянув на Чупракова, не без ехидства сказал Круча. – Неважная у вас охрана, Василий Георгиевич, неважная. А если бы я киллером был?

– Но вы же не киллер? – сошел с лица мужчины.

– Нет, я милиционер. Подполковник Круча... Я капитаном был, когда ты, Вася, тут у нас чудил. Не помнишь меня?

В девяносто шестом году в Битове похитили дочь одного коммерсанта. Капитан Круча взялся за дело, вышел на бандитов, с которыми у этого бизнесмена случился конфликт, нащупал ниточку, распутал клубок. За всем этим стоял Вася Чупрак, он дал команду раскрутить бизнесмена на деньги, только ничего у него тогда не вышло. Двоих из его банды убили, когда освобождали девчонку, одного арестовали. Выживший похититель сдал со страху своего босса, но потом наотрез отказался от своих показаний, и ничего с ним не смогли поделать. В общем, удалось тогда Чупракову выйти сухим из воды.

– Какой я вам Вася? – нахмурился Чупраков. – И не знаю я вас.

– Да, и как в Бутырке сидел, тоже не помнишь? Как Лешу Зеленцова заказывал? – нахраписто спросил Круча.

– Какая Бутырка? Какой Зеленцов?..

– Товарищ подполковник, у Василия Георгиевича амнезия, – медсестра коснулась его руки, чтобы привлечь к себе внимание.

– Ясно. Решил забыть, что в прошлом?.. Ну да, мы же теперь заводами владеем, газетами, пароходами...

– У Василия Георгиевича черепно-мозговая травма была, он ничего не помнит, – увещательно смотрела на Кручу девушка.

Красивая она, чертовски обаятельная, и сексуальности ей не занимать. И еще беджик у нее на халате. Познякова Диана Павловна. Вот это даже интереснее будет, чем ее внешняя привлекательность.

– Да, я знаю, ваш парень его ударил, – спокойным голосом, как о чем-то само собой разумеющемся сказал он.

– Да, бейсбольной битой, – кивнула она. И только тогда спохватилась: – Мой парень? Диана потрясенно смотрела на него. Поняла, что слово не воробей.

– Да, ваш парень. А вы, значит, за Василием Георгиевичем ухаживаете?

Не зря, оказывается, он предположил, что Диана стала любовницей своего обидчика. Значит, не так уж безнадежна его версия о причастности Пушкаря и к первому, и ко второму покушению на Чупракова.

А может, и не любовница она. Может, она нарочно втерлась в доверие к Чупракову, чтобы навести на него своего парня... Слабенькая версия, белыми нитками шита, но в жизни всякое бывает...

– Да, ухаживаю.

– На каком основании?

– Я работаю в этой больнице.

– Как давно?

– Уже второй год...

– А в клубе «Карамболь» кто работал?

– Я работала. Вернее, подрабатывала.

– Слушай, подполковник, а ты не много на себя берешь? – возмутился Чупраков.

За четырнадцать лет его голос изменился, стал не таким густым и зычным, как прежде. Нет уже тех приклатненных интонаций, какими он грешил в прошлом. Ну да, он же теперь бизнесмен, стальной магнат.

– А работа у меня такая, Василий Георгиевич, – насмешливо глянул на него Круча.

А он всего лишь начальник криминальной милиции районного масштаба. Должность у него, может, и не самая высокая, но под сильными мира сего он никогда не прогибался. Так что пусть не возникает Чупраков, не пугает его начальственными карами, бесполезно это. Сколько было у него могущественных врагов, а ничего, жив до сих пор и при деле... Правда, повышение уже давно не предлагают, потому что не очень жалуется его высокое начальство. Но ведь и поганой метлой не гонит, потому что ценит как мастера своего дела. Начальству ведь не только подхалимы нужны, но и высокие показатели.

– Знаешь, как иголку в стоге сена ищут? Надо весь стог перевероршить, а это большой объем. Вот и приходится помногу брать...

– Бери, сколько хочешь. Только Диану не тронь! – сердито смотрел на него Чупраков.

– А чего так? – с подозрением спросил Круча. – Люба-дорога тебе Диана? Потому и устроил ты беспредел в «Карамболе»?

– Какой беспредел?

– Я же все знаю, Василий Георгиевич. Ты хоть и не стал заявление писать, но мы работаем по твоему делу. А кто работает, тот все знает. И мы знаем, как ты Диану Познякову к себе в кабинет затащил.

– Не затащивал он меня, я сама пришла, – влезла в разговор девушка.

– Это ты сейчас так говоришь, – обличительно глянул на нее Круча. – А тогда ты не хотела идти в кабинет. Поэтому парня твоего избил. Было это, не отпирайтесь. Я знаю, что было. Только не знаю, зачем ты мне врешь. Но я узнаю, обязательно узнаю.

– Вы для того и пришли, чтобы это узнать? – зло спросил Чупраков.

Не нравится ему, в каком тоне Круча разговаривал с Дианой, заступает он за нее, значит, нравится она ему. Очень нравится. А может, и влюбился он в Диану. Может, и пообещал ей что-то такое, от чего и у нее вскружилась голова.

– Я пришел узнать, кто мог покушаться на вас, Василий Георгиевич.

Круча сел на стул, сложил руки на коленях, будто давая этим понять, что бояться его не стоит.

– Откуда я знаю, кто мог на меня покушаться?

– У вас большой бизнес, а это враги, конкуренты, жадные партнеры...

Он даже на «вы» перешел, чтобы снизить накал разговора.

– Я ничего не помню про свой бизнес, – расстроенно покачал головой Чупраков.

– Совсем ничего?

– Врачи мне сказали, что память должна скоро вернуться, но пока никакого прогресса.

– Печально. Очень печально.

– Но вы можете обо всем спросить у моего заместителя. Фамилия – Рагулин, зовут Игнат Денисович. Он вам все расскажет. А я, увы, ничем вам помочь не могу.

Возможно, Чупраков действительно потерял память, а может, он всего лишь притворился, чтобы избежать неприятных для него разговоров. Так или иначе, не имело смысла лезть в его прошлое – только время на разговорах терять. Придется обращаться к его заму, а сейчас, раз уже представилась такая возможность, можно поговорить о Диане Позняковой. Тем более что Круче казалась подозрительной ее нежная забота о Чупракове.

– И как в «Карамболе» в последний раз были, тоже не помните?

– Нет, не помню. – Чупраков глянул на Диану так, как будто извинялся перед ней за свое поведение.

– И как напали на вас, тоже не помните?

– Помню только боль. Очень сильную боль.

– А с Дианой как вы встретились?

– Случайно. Совершенно случайно. А что, это имеет какое-то отношение к покушению на меня?

– Василий Георгиевич, давайте не будем разливать воду. Давайте посуху идти, я задаю вопросы, а вы отвечаете. Ведь вас же никто ни в чем не обвиняет, так что успокойтесь и попытайтесь сосредоточиться.

– Вообще-то я имею право не отвечать на ваши вопросы.

– А вы что, за свою жизнь не боитесь? Разве вы не хотите, чтобы мы нашли убийцу, отвели от вас угрозу? – недоуменно повел бровью Круча.

– Хочу, но у меня для этого есть своя служба безопасности, мои люди сами во всем разберутся.

– А если нет?.. Второе покушение они прозевали, не так ли? Вас, Василий Георгиевич, спасло только то, что снайпер промазал. Но в следующий раз промашки может и не быть, вам так не кажется?

– И что, вы можете найти киллера?

– А вдруг?.. Не в вашем положении отказываться от нашей помощи.

– Да, конечно.

– Тогда сейчас Диана выйдет из палаты, а мы с вами продолжим разговор.

– Но я не могу выйти из палаты, – запротестовала девушка. – Я должна здесь находиться постоянно.

– Диана Павловна! – строго, но без раздражения глянул на нее Круча.

Может, он и не смог пронять девушку, но все-таки она покинула палату, хотя очень хотела услышать, о чем пойдет разговор. Кулик оставался в коридоре, работал с охранниками, которые могли быть свидетелями покушения. Он не допустит, чтобы подозрительная медсестра подслушивала у двери.

– Итак, Василий Георгиевич, как вы познакомились с Дианой Позняковой?

– Я не помню.

– Я спрашиваю про нее с того момента, с которого вы ее помните.

– Я помню ее с того момента, как она вошла ко мне в палату, – с неохотой начал Чупраков. – С капельницей. Я тогда с травмой головы лежал, в этой самой палате... В общем, я лежал в этой палате, а ко мне вошла Диана. Так мы с ней и познакомились...

– Насколько я понял, вы ее не вспомнили.

– Нет, не вспомнил.

– А она?

– Она вспомнила.

– И что?

– Что, что, скандал мне устроила! – вздохнул Чупраков. – Ну, рассказала, что между нами было... Обижалась она очень.

– Но я так понимаю, вы помирились.

– Да. Меня выписали, я взял ее к себе домой.

– Зачем?

– Ну, мне же нужна была медсестра, а Диана мне подходила.

Степану Степановичу показалась интересной мысль, что Познякова жила у Чупракова дома. И, возможно, не только как медсестра... Но тогда зачем ему понадобилось снимать ей квартиру на Радищева, если она могла жить у него дома?

Но еще больше его заинтересовало развитие собственной версии в отношении Пушкаря. Парень мог избить Чупракова, отомстив ему за надругательство над своей девушкой. Но вдруг выясняется, что Диана стала личной медсестрой своего же обидчика и отправилась к нему домой. А парень он непростой, мстительный, может, и с головой у него не все в порядке. К тому же он охранником в клубе работал, а туда кого попало не берут. Может, Пушкарь в спецназе служил, возможно, со снайперской винтовкой умел обращаться. Откуда он ствол взял? Вопрос, конечно, интересный, но так для того и существует уголовный розыск, чтобы искать и находить ключи ко всякого рода криминальным загадкам.

– Значит, она жила у вас дома?

– Да, она жила у меня дома. А что, нельзя?

– Ну, можно, конечно... Она сама навязалась к вам в сиделки?

– Нет, я сам ей предложил.

– Я так понимаю, Диана нравится вам как женщина.

– Да, нравится. Очень нравится. А что здесь такого странного?

– В том-то и дело, что странного здесь ничего нет. На первый взгляд. Но если разобраться... Ведь вы же фактически изнасиловали ее в клубе.

– Не знаю, не помню, – слотнув ком в горле, тихим голосом сказал Чупраков. – Если вы хотите предъявить мне изнасилование, то у вас ничего не выйдет.

– Почему?

– Потому что Диана меня простила. И заявление она подавать не будет.

– А вы боитесь заявления?

– Почему боюсь? – нервно пожал плечами Чупраков. – Нет, не боюсь...

– Тебя, Вася, в похищении девочки обвиняли. Ей всего тринадцать лет было, совсем еще ребенок. Ты тогда ничего не боялся, – пронзительно смотрел на него Круча. – Потому что чересчур крутой был. А сейчас куда твоя крутость делась, Вася?

Действительно, нынешний Чупраков представлял собой постаревшую и обмякшую, если не сказать, жалкую копию того бандитского авторитета, которого когда-то знал Круча. Может, возраст берет свое. Может, его по голове чересчур сильно ударили... Впрочем, лучше разговаривать с этим Чупраковым, чем с прежним.

– Я для тебя не Вася, командир!

Чупраков изобразил хищный оскал, но вышло это у него не очень убедительно.

– И ничего я не боюсь... Просто я не хочу, чтобы вы давили на Диану.

– А кто на нее давит?

– Вы, товарищ подполковник, на нее давите. Как только пришли сюда, так на нее и набросились... Я понимаю, для вас она дешевая танцовщица из ночного клуба, но для меня она медсестра. А то, что было между нами плохого, я забыл. И даже не хочу вспоминать.

– Но ведь было? Было! И твои «быки» парня ее избил. А он мог отомстить... Что, если это парень Дианы и отбил вам память?

– Если это сделал он, то я его простил, – ничуть в том не сомневаясь, сказал Чупраков. – Он отомстил за Диану, и правильно сделал.

– Даже так? – с удивлением посмотрел на него Круча.

– Я же говорю вам, что Диана мне очень дорога. И я даже рад, что за нее отомстили.

– Странная у вас какая-то радость. Ну да ладно. Значит, вы знаете, что это парень Дианы избил вас и вашего охранника.

– Догадываюсь.

– Но его не ищут?

– Нет, я дал отбой.

– А если Пушкарь продолжает мстить дальше. Если это он стрелял в вас?

– Он стрелял?! В меня?! – Чупраков смотрел на Кручу озадаченно, большими глазами. – Да нет, не мог он.

– Почему?

– Ну, не знаю.

– Вдруг он узнал, что Диана живет у вас? Вдруг он решил, что у вас к ней очень серьезные чувства. Вдруг он решил убить вас, чтобы вернуть ее обратно?

– Нет, нет, это чересчур. Нет, это не он!

– Вы уверены?

– Ну, все может быть...

– Где находилась Диана в момент выстрела?

– В момент выстрела? В момент выстрела она находилась рядом со мной.

– На пристани?

– Да, на пристани.

– А как вы на пристань попали?

– Очень просто, ногами до нее дошел. Или вы думали, что я на инвалидной коляске туда приехал? – усмехнулся Чупраков.

– Ну, может, и не на коляске. Но может, вас туда выкатили. На ваших же двоих выкатили, – вслух подумал Круча.

– Это вы о чем?

– Я так понимаю, вы на яхте хотели покататься?

– Да, хотел.

– А Диана этого хотела?

– Да, хотела. Она меня, в общем-то, и попросила. Правда, она потом сказала, что надо уходить. Испугалась, что меня на яхте укачать может, а это мне противопоказано. Я согласился, что нам еще рано кататься на яхте, и мы повернули к дому. Она повернулась, потом я... Сначала я подумал, что это яхта на меня наскочила, а оказалось, что это пуля, – Чупраков инстинктивно провел здоровой рукой по больному плечу.

– Значит, киллер понял, что вы уходите, и выстрелил?

– Выходит, что так.

– А вы собирались покататься на яхте...

– Я же говорил вам, что да, – возмущенно отозвался Чупраков.

– Вы собирались прокатить Диану на яхте, потому что она вам все простила. Это интересно. Это очень интересно.

Вопросов к Чупракову было достаточно, но сейчас Кручу больше интересовала Диана.

Глава восьмая

Давно это было, лет пять назад. Она шли мимо вокзала, и вдруг на пути возникла цыганка: позолоти ручку, всю правду скажу, все такое прочее... Диана слышала, что с цыганками связываться нельзя, и если есть возможность, нужно откупиться от них и как можно скорее уйти. Она достала из кармана две десятки, сунула их в темную то ли от природы, то ли от грязи руку, хотела продолжить путь, но вдруг встретилась глазами с цыганкой и, уже ничего не соображая, замороженно полезла в сумочку за кошельком. Если бы не какой-то случайный мужчина, она бы отдала ей все. Прохожий отогнал цыганку, привел Диану в чувство, проводил до метро.

Давно это было, но Диана до сих пор помнит то состояние гипнотической покорности, в которое ввела ее цыганка. Сознание отключилось, мир остановился, почва исчезла из-под ног... Что-то подобное она ощущала сейчас, под взглядом этого большого внушительного человека. Милицейский подполковник не просто смотрел на нее, он тянул из нее душу. Тянул, отрывая Диану от земли. Она зависла между правдой и ложью, а в голове сумбур и шатание.

– Вы же сами сказали, что Василия Георгиевича ударил ваш парень.

– Я говорила?

Под взглядом этого человека ее тянуло к правде, но все-таки она еще могла сопротивляться. Могла и сопротивлялась, только это, похоже, сместило Кручу. Казалось, он видел ее насквозь.

– Да, вы говорили. Я спросил, а вы ответили, что ваш парень ударил его бейсбольной битой.

Круча говорил спокойно, но ей почему-то казалось, что он кричит на нее.

– Василия Георгиевича ударил ваш парень, Роман Пушкарь. Вашего парня зовут Роман?

– Да.

– И он ударил Василия Георгиевича бейсбольной битой?

– Да.

Она должна была сказать это. Иначе она просто взорвется от внутреннего напряжения.

– Он сам вам сказал это?

– Да, он сам это мне сказал... Он приходил ко мне сюда, в больницу. Сказал, что это он избил Василия Георгиевича.

Круча вдруг перестал кричать, Диана вернулась на место, ощутив под собой табурет и твердую почву, сознание прояснилось, и даже на душе вдруг стало спокойно... Да, она предала Рому, но ведь он сам не так давно открестился от нее. К тому же он избил человека, который ей так дорог. И еще этот ужасный подполковник перестал давить на нее. А если он сейчас еще и уйдет, она почувствует себя самой счастливой женщиной.

– А как он узнал, что Василий Георгиевич бывает в доме номер тридцать четыре по улице Радищева?

– Я не знаю.

Но Круча не уходил и продолжал терзать ее вопросами.

– А дом вам этот знаком?

– Нет.

– Вы в этом доме никогда не жили?

– Нет.

– И квартиру вам там никто не снимал?

– А кто мне мог там снимать квартиру?

– Чупраков.

– Нет, он не снимал мне квартиру...

- То есть вы не говорили Пушкарю, что ваш любовник бывает в доме на улице Радищева?
- Мой любовник? А кто мой любовник?
- Чупраков.
- Нет, он не мой любовник.
- Разве?
- Он мой пациент.
- И в близких отношениях вы не состоите?
- Нет.

И снова Диана вдруг стала отрываться от земли под взглядом подполковника, и в ушах зашумело. Что это? Реакция на ложь?

- И никогда не состояли?
- Состояла. В клубе. Ну, вы в курсе...
- По своей воле или как?
- Да, по своей воле.
- Но ваш парень так не считает.
- Да, Рома так не считает... Поэтому он и напал на Василия Георгиевича.

Правда вернула ее в привычное измерение, и на душе стало легче. Видимо, не зря у кого-то из классиков возникла мысль, что правду говорить легко и приятно.

- Где он сейчас?
- Кто, Василий Георгиевич?
- Нет, Рома.
- Я не знаю, он сказал, что за ним охотятся и ему нужно уехать.
- Кто охотится за ним?
- Ну, он сказал, что из милиции к нему приходили. И что Василий Георгиевич может обо всем догадаться. А он его боится... Мне предлагал с ним ехать, но я отказалась.
- Почему?
- А зачем это мне надо? Если бы я его простила, может быть, и поехала. Но я его не простила...
- Он же отомстил за тебя, и ты его не простила? – перешел на «ты» Круча.
- Нет... Но сказала, что могу простить...
- А Чупракова простила?
- Чупракова? Ну, он же ничего не помнит. И он совсем не такой сейчас, каким был тогда, в клубе...

– А какой он сейчас?

– Более мягкий, более душевный.

– И ты его поэтому простила. А Рому простить не смогла. Хотя он и попытался исправить свою оплошность. Чупраков большой человек. И страшный. А Рома не испугался, руку на него поднял. Он отомстил за тебя, а ты уехала с Чупраковым. Как думаешь, он мог выследить вас?

- Выследить? Нас? А зачем ему нас выслеживать? – удивилась Диана.
- У него машина есть?
- Да, «Приора» у него...
- В армии он служил?
- Служил.
- Где?
- На Камчатке. В морской пехоте.
- Давно?
- Ну, три года назад уволился.
- В боевых действиях участие принимал?
- Да нет, не было ничего такого, он бы рассказал.

- Кем он был по штатному расписанию – пулеметчиком, гранатометчиком, снайпером?
  - Я не знаю... Он что-то про снайперскую винтовку говорил.
  - Что говорил?
  - Ну, их куда-то на соревнования возили, он говорил, что ему двух очков до главного приза не хватило.
  - Значит, умел он из снайперской винтовки стрелять...
  - Выходит, что умел.
  - А может, у него винтовка была? Ну, может, прикупил где-то по случаю.
  - Да нет...
  - Может, друзья у него были, которые с винтовкой могли ему помочь?
  - Друзья? А зачем ему винтовка? Куда вы клоните, товарищ подполковник? – Диана с ужасом посмотрела на Кручу.
- Нет, не он ее сейчас пугал, а тот факт, что Рома мог стрелять в Чупракова. Ведь она же не простила его, и от отчаяния он мог пойти на рискованный шаг. И выследить он ее мог.
- А как ты сама думаешь? – с въедливой иронией спросил Круча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.